

СТИВЕН КИНГ

под псевдонимом Ричард Бахман

Блейз

Темная Башня

Коллектив авторов

Блейз (сборник)

«Издательство АСТ»

2007

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

Коллектив авторов

Блейз (сборник) / Коллектив авторов — «Издательство АСТ»,
2007 — (Темная Башня)

ISBN 978-5-17-105335-2

После смерти знаменитого преступника Джорджа Рэкли его ученик Блейз решает в одиночку осуществить задуманный Рэкли план – похищение ребенка из семьи миллионеров. Теперь Блейз, держа маленького Джо в заложниках, скрывается в лесах штата Мэн... а полиция все ближе. И «преступление века» превращается в настоящую гонку со временем. В сборник также включен рассказ «Память», послуживший основой для романа «Дьюма-Ки».

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-105335-2

© Коллектив авторов, 2007
© Издательство АСТ, 2007

Содержание

Ричард Бахман. Блейз	6
Раскрывая все карты	6
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	19
Глава 5	21
Глава 6	23
Глава 7	27
Глава 8	30
Глава 9	32
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Стивен Кинг Блейз

Stephen King
(Richard Bachman)
BLAZE
MEMORY

© Stephen King, 2007

© Перевод. В. Вебер, 2007

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

* * *

*Томми и Лори Спрюс
И думая о Джеймсе Т. Фаррелле*

Ричард Бахман. Блейз

*Это руины сердца.
Джон Д. Макдональд*

Раскрывая все карты

Это сундучный роман. Понимаете? Я хочу, чтобы вы знали об этом, пока чек еще при вас и вы не капнули на книгу соусом или мороженым, после чего вернуть ее в магазин будет очень сложно, а то и вовсе не получится¹. Это исправленное и дополненное издание, но что с того? Автором указан Бахман, потому что «Блейз» – последний из романов 1966–1973 годов, периода наивысшей продуктивности сего господина.

В эти годы я как бы раздваивался. С одной стороны, был Стивеном Кингом, который писал (и продавал) рассказы-ужастики для таких малотиражных мужских журналов, как «Кавальер» и «Адам»², а с другой – Ричардом Бахманом, писавшим романы, которые никто не хотел покупать. «Ярость»³, «Долгая Прогулка», «Дорожные работы» и «Бегущий человек»⁴. В результате все четыре были сразу опубликованы в дешевом карманном формате.

«Блейз» – последний из ранних романов... пятая четверть, если хотите. Или, если настаиваете, еще один из сундучных романов известного писателя. Время написания – конец 1972 и начало 1973 года.

Я думал, что роман отличный, когда работал над ним, и решил, что полный отстой, когда прочитал от начала и до конца. Насколько помню, не показывал его ни одному издателю, даже не посылал в «Даблдей», где у меня к тому времени появился друг, Уильям Дж. Томпсон. Именно Билл позднее открыл Джона Гришэма, именно Билл подписал со мной договор на следующую после «Блейза» книгу, запутанную, но занимательную историю о выпускном вечере в центральной части штата Мэн⁵.

На несколько лет я забыл о «Блейзе». Потом, когда остальные ранние бахмановские романы появились на прилавках, достал его из дальнего ящика, чтобы просмотреть на предмет публикации. Прочитав первые двадцать страниц, решил, что мое первоначальное мнение правильное, и вернул рукопись туда, откуда взял. Я подумал, что роман написан вполне пристойно, но сюжет вызывает в памяти слова, однажды произнесенные Оскаром Уайльдом. А сказал он, что нельзя читать «Лавку древностей», не проливая от смеха потоки слез⁶. Так что «Блейз» был благополучно забыт, но не утерян. Его всего лишь засунули в какой-то угол библиотеки Фоглера в Университете Мэна с остальными бумагами и рукописями Стивена Кинга/Ричарда Бахмана.

¹ Говоря об этом, я предполагаю, что вам нравится мое творчество и вы редко садитесь за стол, чтобы перекусить или даже плотно поесть, без книги, которую читаете в настоящий момент. – *Здесь и далее в предисловии примеч. автора.*

² За одним исключением: Бахман под псевдонимом Джон Суитен продал единственный детективный рассказ «Пятая четверть».

³ Более не публикуется, и это хорошо.

⁴ За этими последовал роман Бахмана «Худеющий», и неудивительно, что меня вычислили, поскольку фактически написан он был Стивеном Кингом: фотография на заднем клапане суперобложки никого не обманула.

⁵ Полагаю, я единственный писатель в истории англоязычной романистики, чья карьера основана на гигиенических прокладках; эта часть моего литературного наследия неоспорима.

⁶ Примерно так же я реагировал на «Обычного человека» Филипа Рота, «Джуда Незаметного» Томаса Гарди и «Дочь хранителя тайны» Ким Эдвартс: в какой-то момент чтения начинал смеяться, махать руками и кричать: «Где рак? Где слепота? Ничего этого у нас еще нет!»

Вот так «Блейз» пролежал в темноте тридцать лет⁷. А потом я опубликовал тоненькую книжку в мягкой обложке «Парень из Колорадо» в серии «Крутой детектив». Серию эту придумал очень умный и очень расчетливый парень, Чарльз Ардай. Ему страшно хотелось переиздать старый «нуар» и детективные романы, которые ранее печатались только в карманном формате, и добавить к ним новые. «Парню из Колорадо» крутизны определенно не хватало, но Чарльз все равно решил его опубликовать под одной из знаменитых обложек серии⁸. Проект оказался успешным... если не считать задержек с выплатой гонорара⁹.

Годом позже я подумал: может, стоит вновь двинуться по пути крутого детектива, только с более «крутым» произведением. Мои мысли впервые за много лет вернулись к «Блейзу», но следом тащилась чертова цитата Оскара Уайльда насчет «Лавки древностей». «Блейз», насколько я помнил, был не крутым «нуаром», а плаксой в три ручья. Однако я решил, что неплохо бы на него взглянуть. При условии, что роман удастся отыскать. Я помнил картонную коробку. Я помнил шрифт старой портативной пишущей машинки (неубиваемой «Оливетти») моей жены Табиты, но понятия не имел, что произошло с рукописью, которая лежала в этой картонной коробке. Насколько я знал, она могла даже исчезнуть. Да, детка, исчезнуть¹⁰.

Не исчезла. Марша, одна из двух моих бесценных помощниц, нашла ее в библиотеке Фоглера. Не доверила мне оригинал (я... э... теряю вещи), но сделала ксерокопию. Я, должно быть, использовал совершенно выбитую ленту, когда печатал «Блейза», потому что текст был едва виден, а пометки на полях практически выпцвели. Однако я сел с рукописью и начал читать, готовый испытать разочарование, какое может вызвать только произведение, написанное тобой же, когда ты был куда моложе и самоувереннее.

Но я подумал, что «Блейз» очень даже хорош, определенно лучше «Дорожных работ», романа, сюжет которого, как я в то время полагал, лежал в основном русле американской беллетристики. Разумеется, «нуаром» здесь и не пахло. Скорее речь шла о натурализме с преступлением, стиле, который в 1930-х годах практиковали Джеймс М. Кейн и Хорас Маккой¹¹. Я думал, что обращения к прошлому лучше прямого изложения событий. Мне они напомнили трилогию «Молодой Лониэн» Джеймса Т. Фаррелла и забытый (но отмененный) роман «Гэс-Хауз Макджинти». Конечно, местами роман был ВНД¹², но не следовало забывать, что писал его молодой человек (мне тогда было двадцать пять), убежденный, что создает очередную НЕТЛЕНКУ.

Я подумал, что «Блейза» можно переписать и опубликовать, не испытывая особого стыда, но он, пожалуй, не укладывался в рамки «крутого» детектива. И вообще в каком-то смысле не был детективным романом. Скорее трагедией человека, лишенного многого из того, что дано другим людям (если при переработке романа уйти от жалости). Вот я и обратился к бесстрастным, сухим интонациям, свойственным лучшим произведениям «нуара», даже использовал шрифт, называемый «American Typewriter», напоминающий о том, что я делаю. Работал быстро, не оглядываясь назад, не заглядывая вперед, пытаясь также придать роману свойственный тем книгам драйв (я больше ориентировался на Джима Томпсона и Ричарда Старка, чем на Кейна, Маккоя или Фаррелла). Думал, что правку буду вносить в самом конце, карандашом,

⁷ Не в сундуке, конечно, а в картонной коробке.

⁸ Дама, по глазам которой читается: свяжешься со мной – жди беды. А в трусиках, понятное дело, можно найти исключительно экстаз.

⁹ Что тоже напоминает мне не слишком удачные прежние времена книжек в мягкой обложке.

¹⁰ В моей литературной карьере мне удалось потерять не один, а два достаточно хороших романа, работа над которыми была в самом разгаре. Но если я успел написать лишь пятьдесят страниц романа «Под Куполом», после чего он исчез, то в «Каннибалах» перевалил за двухсотую страницу, когда этот роман канул в небытие. Вторых экземпляров не осталось. Дело было до появления компьютеров, а копиркой для первого варианта я никогда не пользовался... считал, что это нехорошо.

¹¹ И, очевидно, дань уважения роману «О мышах и людях» – трудно уйти от такого сравнения.

¹² ВНД – витиеватый, натуажный, дерганый.

а не редактировать роман на компьютере, как нынче модно. Если уж книга должна стать неким возвращением в прошлое, мне хотелось это как-то обыграть, а не игнорировать. Я также намеревался вычистить из романа всю сентиментальность, хотел, чтобы законченная книга была полностью лишена ее, напоминая пустой дом без единого ковра на полу. Как сказала бы моя мать: «Я бы хотела, чтобы проступило ее чистое лицо». Только читатель сможет вынести вердикт, удалось мне это или нет.

Если вас это волнует (вообще-то не должно: полагаю, вы пришли сюда за хорошей историей, и, надеюсь, вы ее получите), все гонорары и дополнительные доходы, полученные от «Блейза», пойдут в «Хейвен фаундейшн», основанный с тем, чтобы помогать творческим людям, попавшим из-за травмы или болезни в затруднительную ситуацию¹³.

С другой стороны, раз уж я все равно держу вас за лацкан, скажу, что старался, насколько возможно, избежать в «Блейзе» временной привязки, чтобы не ограничивать действие романа какими-то вехами¹⁴. Полностью исключить датировку, конечно же, невозможно, некоторые временные ориентиры важны для сюжета¹⁵. Если у вас сложится впечатление, что все происходит «в Америке, не так уж и давно», думаю, это оптимальный вариант.

Могу я закончить, вернувшись к тому, с чего начал? Это старый роман, но я уверен, что ошибся в первоначальной оценке, посчитав его плохим романом. Вы можете не согласиться... но это не «Девочка со спичками». Как всегда, постоянный читатель, я желаю вам всего наилучшего, благодарю за то, что читаете эту историю, и надеюсь, что она вам понравится. Не стану говорить, мол, надеюсь, что вы всплакнете, но...

Нет. Все-таки скажу. Если ваши глаза и затуманятся, пусть это будут не слезы от смеха¹⁶.

Стивен Кинг (за Ричарда Бахмана)

Сарасота, Флорида

30 января 2007 г.

¹³ Чтобы побольше узнать о «Хейвен фаундейшн» (The Haven foundation), вы можете заглянуть на мой сайт www.stephenking.com.

¹⁴ Мне не нравилось, что Клай Блейсделл рос в послевоенной (речь о Второй мировой) Америке. Сейчас это совершеннейшая архаика, а вот в 1973 году, когда я печатал этот роман в трейлере, где жил с женой и двумя детьми, не вызывало особых возражений (и, вероятно, правильно).

¹⁵ Если бы роман писался сегодня, конечно же, пришлось бы учитывать повсеместное использование мобильных и определителей номера.

¹⁶ Российский читатель знаком с мастерами американского детектива, да и просто с писателями США гораздо хуже Стивена Кинга, поэтому считаю необходимым дать короткую справку по именам и названиям: Джеймс Т. Фаррелл (1904–1979) кроме вышеупомянутой трилогии написал 17 сборников рассказов; Джеймс М. Кейн (1892–1977) – один из основателей крупного детектива, автор книг «Почтальон всегда звонит дважды» и «Серенада»; Хорас Маккой (1897–1955) – автор романа «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?»; Джим Томпсон (1906–1977) – крепкий детективист-середняк; Ричард Старк – псевдоним нынешнего патриарха детективной прозы Дональда Уэстлейка (1933–2008). Не хотел говорить... но все-таки скажу: «Лавка древностей» – роман Чарлза Диккенса, «Девочка со спичками» – не детектив, а сказка Ганса Христиана Андерсена. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Глава 1

Джордж находился где-то в темноте. Блейз не мог его разглядеть, но голос доносился громко и четко, грубый, чуть хрипловатый. По голосу всегда казалось, что Джордж слегка простужен. Что-то с ним произошло, когда он был ребенком. Джордж никогда не говорил, что именно, но адамово яблоко пересекала полоска шрама.

– Не этот, тупица, у него весь бампер в наклейках. Возьми «шеви» или «форд». Темно-синий или темно-зеленый. Двухлетний. Ни больше ни меньше. Никто их не запоминает. И никаких наклеек.

Блейз миновал маленький автомобильчик с наклейками на бампере, продолжил путь. Даже здесь, в дальнем конце автостоянки у пивной, он слышал музыку. Дело происходило в субботу вечером, так что пивная была забита под завязку. Холодный воздух больно кусался. В город Блейза подвезли, но он провел под открытым небом сорок минут, и уши у него онемели. Шапку он взять забыл. Всегда что-нибудь забывал. Уже начал доставать руки из карманов куртки, чтобы прикрыть уши, но Джордж помешал. Сказал, что уши могут замерзнуть, а вот руки – нет. Уши не требовались для того, чтобы завести двигатель без ключа зажигания. Температура воздуха была лишь на три градуса выше нуля¹⁷.

– Вот он, – сказал Джордж. – Справа от тебя.

Блейз посмотрел и увидел «сааб». С наклейкой на бампере. Вроде бы совсем не тот автомобиль, который следовало угонять.

– Этот слева, – фыркнул Джордж. – А надо *справа*, тупица. По ту руку, которой ты ковыряешь в носу.

– Извини, Джордж.

Да, он опять ступил. В носу мог ковырять обеими руками, но знал, какая рука правая: та, которой писал. Подумал об этой руке и посмотрел в нужную сторону. Увидел темно-зеленый «форд».

Блейз направился к «форду», не подавая виду, что интересуется этим автомобилем. Обернулся. Пивная называлась «Мешок», и собирался там народ из местного колледжа. Название пивной дали глупое, мешком называли то самое, где находятся твои яйца. В пивной (по существу – обычной забегаловке) по пятничным и субботним вечерам играла рок-группа. В зале наверняка было шумно и тепло, множество молоденьких девушек в коротких юбках танцевали, как очумелые. Хорошо бы зайти, оглядеться...

– И чего ты сюда пришел? – спросил Джордж. – Прогуляться, как по Коммонуэлс-авеню¹⁸? Ты не сможешь обмануть и мою слепую бабулю. Займись делом, а?

– Хорошо, я просто...

– Да, я знаю, что ты просто. Не отвлекайся.

– Хорошо.

– Кто ты, Блейз?

Он опустил голову, втянул соплю.

– Я – тупица.

Джордж всегда говорил, что в этом нет ничего постыдного, но это факт, и его нужно признавать. Как бы ты ни старался, за умного тебя никто и никогда не принял бы. Они смотрели на тебя и сразу видели: свет горит, но дома никого. Если ты – тупица, то должен быстренько закончить все дела и тут же смотаться. А уж если тебя поймали, выкладывай все, что знаешь,

¹⁷ Три градуса выше нуля по шкале Фаренгейта соответствуют 16 градусам мороза по Цельсию.

¹⁸ Коммонуэлс-авеню – одна из центральных улиц Бостона.

только не называй парней, которые были с тобой. Потому что в конце концов копы вытащат из тебя все остальное. Джордж говорил, что хуже тупиц никто врать не умеет.

Блейз вытащил руки из карманов, дважды согнул и разогнул пальцы. Костяшки заныли от холодного воздуха.

– Готов, здоровяк? – спросил Джордж.

– Да.

– Тогда я пойду пропущу пивка. А ты займись тачкой.

Блейз почувствовал поднимающуюся панику. Она быстро добралась до горла.

– Эй, нет, я никогда такого не делал. Только наблюдал за тобой.

– Теперь тебе придется пошевеливаться, не только наблюдать.

– Но...

Он замолчал. Продолжать не имело смысла, если только он не собирался кричать. Слышал, как поскрипывает утрамбованный снег под ботинками идущего к пивной Джорджа. Но скоро шаги растворились в басовых ритмах.

– Господи, – выдохнул Блейз. – Господи Иисусе.

Пальцы уже начали замерзать. При такой температуре они на что-тогодились минут пять. Может, и меньше. Он подошел к водительской дверце в надежде, что она заперта. Будь дверца заперта, на автомобиль пришлось бы махнуть рукой, потому что «ловкого Джима» у него не было. «Ловкий Джим» остался у Джорджа. Да только водитель «форда» дверцу не запер. Блейз распахнул ее, наклонился, потянул на себя рычаг открывания капота. Потом обошел автомобиль спереди, нащупал защелку, нажал, поднял капот.

В кармане лежал маленький фонарик. Блейз достал его, включил, направил луч на двигатель.

Найди провод зажигания.

Но сколько же тут всего. Кабели, идущие к аккумулятору, шланги, провода к свечам, бензопровод...

Он стоял, а капельки пота катились и замерзали на щеках. Толку от этого быть не могло. Никакого толку. И тут его осенило. Идея, возможно, пришла в голову не самая лучшая, но и такое случалось нечасто, а если уж она возникала, не оставалось ничего другого, кроме как ее реализовывать. Он вернулся к водительской дверце, вновь открыл. В салоне зажегся свет, но с этим он ничего не мог поделать. Впрочем, если бы кто увидел его, то подумал бы, что у него проблемы с двигателем. Конечно, при такой температуре никто не стал бы этому удивляться, верно? Даже Джордж не отругал бы его за зажегшуюся лампочку. Сильно бы, во всяком случае, не отругал.

Он опустил солнцезащитный козырек над рулевым колесом, надеясь, хотя и не веря, что оттуда выпадет запасной ключ. Иногда люди держат его там – но обнаружился только старый скребок. Упал на пол. Блейз открыл бардачок. Набит бумагами. Он начал вытаскивать их, переправляя на пол. Для этого ему пришлось встать коленями на водительское сиденье. Из рта валили клубы пара. Только бумаги и коробочка мятных пастилок, никаких ключей.

Ну что, тупица ты чертов, услышал он голос Джорджа, теперь доволен? Теперь готов завести двигатель без ключа зажигания?

Блейз полагал, что да. Полагал, что готов по крайней мере вырвать несколько проводов, соединить их, как соединял Джордж, и посмотреть, что из этого выйдет. Он захлопнул дверцу и, опустив голову, уже двинулся к поднятому капоту «форда». Остановился, потому что в голове сверкнула новая идея. Вернулся, открыл дверцу, наклонился, поднял коврик – и там он лежал. На ключе Блейз не увидел слова «ФОРД», на нем не было вообще никаких слов – дубликат, что с него взять, – но квадратная головка и конфигурация бородки говорили о том, что именно этот ключ ему и нужен.

Блейз поднял его. Поцеловал холодный металл.

«Незапертая дверца, – подумал он. Потом: – Незапертая дверца и запасной ключ зажигания под ковриком. – И наконец: – Похоже, сегодня я не самый тупой, Джордж. Есть и потупее».

Он сел за руль, захлопнул дверцу, вставил ключ в замок зажигания (вошел как по маслу), потом понял, что не видит автостоянку из-за поднятого капота. Огляделся, посмотрел сначала направо, потом – налево, чтобы убедиться, что Джордж решил не выходить из пивной и помогать ему. Джордж задал бы ему перца, если б увидел, что он сидит за рулем, а капот по-прежнему открыт. Но Джорджа поблизости не было. Никого не было. Автостоянка напоминала тундру, уставленную машинами.

Блейз вылез из кабины, закрыл капот. Снова сел за руль, протянул руку, чтобы захлопнуть дверцу, замер, не дотянувшись до ручки. А как же Джордж? Пойти в пивную и позвать его? Блейз сидел, нахмурившись, с опущенной головой. Лампочка под крышей заливала желтым светом его большие руки.

«Знаете что? – подумал Блейз, поднимая голову. – Да пошел он».

– Пошел ты на хрен, Джордж, – озвучил он свою мысль. Джордж заставил его добираться сюда на попутке, встретил только здесь, потом ушел. Ушел, и ему пришлось самому делать всю грязную работу. Да, Блейз нашел ключ, но лишь благодаря слепой удаче, которая иногда улыбается даже самым тупым. Так что пошел ты, Джордж. Испытай на себе, каково это – ловить попутку, когда на улице такой собачий холод.

Блейз захлопнул дверцу, завел двигатель, перевел ручку переключения автоматической коробки передач в положение «Drive», выехал со стоянки. Уже на шоссе резко надавил на педаль газа, «форд» рванулся вперед, задние колеса занесло на утрамбованном снегу. Блейз тут же нажал на педаль тормоза, паника парализовала его. О чем он думал? Уехать без Джорджа? Да его остановят, прежде чем он проедет пять миль. Возможно, остановят на первом же светофоре. Он не мог уехать без Джорджа.

«Но Джордж мертв».

Чушь собачья. Джордж только что был здесь. Пошел выпить пива.

«Он мертв».

– Ох, Джордж, – простонал Блейз. Склонился над рулем. – Ох, Джордж, не будь мертвым.

Посидел какое-то время. Двигатель «форда» работал отлично. В нем ничего не постукивало, не гремело, несмотря на холод. Датчик топлива показывал, что бак заполнен на три четверти. В зеркале заднего обзора виднелся поднимающийся белый дымок выхлопа.

Джордж не вышел из пивной. Не мог выйти, потому что не входил. Джордж мертв. Уже три месяца, как мертв. Блейза начало трясти.

Через какое-то время он взял себя в руки. Поехал дальше. Никто не остановил его ни на первом светофоре, ни на втором. Никто не остановил его, когда он выезжал из города. Административную границу Апекса он пересек на скорости пятьдесят миль в час. Иногда автомобиль скользил на корочках льда, но Блейза это не тревожило. Еще подростком он гонял по обледенелому асфальту.

За городом он разогнался до шестидесяти миль. Лучи фар ощупывали дорогу яркими пальцами и отражались от сугробов с обеих сторон шоссе. Да, у одного студента наверняка отвиснет челюсть, когда он подведет студентку к тому месту на автостоянке, где оставил свой «форд». А она посмотрит на него и скажет: «Ты – тупица. Никогда больше не буду тусоваться с тобой, ни здесь, ни где-то еще».

– Не тусоваться, – поправил себя Блейз. – Если она из колледжа, то скажет «встречаться».

Блейз улыбнулся. Улыбка преобразила его лицо. Он включил приемник. Зазвучал рок. Блейз крутил ручку настройки, пока не нашел кантри. Когда подъезжал к своей лачуге, пел во весь голос вместе с радио и начисто забыл о Джордже.

Глава 2

Но вспомнил на следующее утро.

Это проклятие – быть тупицей. Горе всегда изумляет тебя, потому что ты вечно забываешь о важном. В памяти остается только что-то глупое. Вроде стихотворения, которое миссис Зелиг заставила их выучить в пятом классе: «Под раскидистым каштаном кузня сельская стоит»¹⁹. Какой от этого толк? Какой от этого толк, когда тыловишь себя на том, что чистишь картошку на двоих, и вдруг до тебя доходит: не нужно чистить картошку на двоих, потому что другой парень больше никогда есть не будет?

Что ж, может, это не горе. Может, горе – совсем и неправильное слово. Неправильное, если горевать – плакать и биться головой о стену. Ты этого не делаешь, когда уходят такие, как Джордж. Но с его уходом появляется одиночество. И появляется страх.

Джордж сказал бы: «Господи, ты когда-нибудь сменишь свои гребаные трусы? Эти уже стоят сами по себе. Они отвратительные».

Джордж сказал бы: «Ты завязал только один шнурок, дубина стоеросовая».

Джордж сказал бы: «Ох, твою мать, повернись, я заправлю тебе рубашку. Вожусь с тобой, как с ребенком».

Когда он проснулся утром, после кражи «форда», Джордж сидел в соседней комнате. Блейз не видел его, но знал, что тот сидит в сломанном мягком кресле, как обычно, опустив голову так, что подбородок чуть ли не упирается в грудь.

– Ты опять напортачил, Конг, – услышал он, едва открыл глаза. – Поздрав-твою-мать-ляю.

Блейз аж зашипел, когда ноги коснулись холодного пола. Потом надел ботинки. Голый, если не считать обуви, подскочил к окну. Автомобиля нет. Он облегченно выдохнул. У рта образовалось облачко пара.

– Нет, не напортачил. Поставил его в сарай, как ты мне и говорил.

– Ты не замел гребаные следы, понимаешь? Почему ты не поставил рядом щит-указатель, Блейз? «ЗДЕСЬ СТОИТ УГНАННЫЙ АВТОМОБИЛЬ». Можешь даже брать плату за вход. Почему бы тебе этого не сделать?

– Ох, Джордж...

– «Ох, Джордж, ох, Джордж!» Пойди и замети их.

– Хорошо. – Он направился к двери.

– Блейз?

– Что?

– Надень сперва портки, вот что.

Блейз почувствовал, как краснеет.

– Как ребенок. – В голосе Джорджа слышалось смирение. – Который бреется.

Джордж знал, как поддеть побольнее, это точно. Только в результате он поддел не того парня, и слишком больно. Такое зачастую приводит к смерти, а потом уже не скажешь ничего умного. И теперь Джордж мертв, а Блейз заставляет его говорить у себя в голове, да еще отдает ему лучшие фразы. Джордж мертв с той самой игры в крэпс²⁰ на складе.

«Я просто чокнутый, раз уж пытаюсь провернуть все сам, – подумал Блейз. – Такая дубина, как я».

Но он надел трусы (сначала тщательно осмотрел их на предмет пятен), потом теплое белье, фланелевую рубашку и брюки из вельвета. Рабочие ботинки из «Сирса» стояли под кро-

¹⁹ Из стихотворения «Деревенский кузнец» знаменитого американского поэта Генри Уодсуорта Лонгфелло (1807–1882).

²⁰ Крэпс – разновидность игры в кости.

вастью. Армейская куртка с капюшоном висела на ручке двери. Он поискал рукавицы и нашел их на полке над древней дровяной плитой, которая стояла в комнате, служившей и кухней, и гостиной. Взял клетчатую кепку с наушниками, надел на голову, чуть сдвинув козырек влево – на удачу. Потом вышел из дома, подхватив щетку, приставленную к двери.

Утро выдалось ясное и холодное. Влага под носом мгновенно затрещала, превратившись в лед. Порыв ветра тут же бросил ему в лицо снежную пыль, заставив поморщиться. Джорджу просто отдавать приказы. Джордж сидит в доме у плиты, пьет кофе. Как в прошлую ночь, когда ушел выпить пива, оставив Блейза разбираться с автомобилем. И он бы до сих пор разбирался, если бы слепая удача не повернулась к нему лицом и он не нашел бы запасной ключ то ли под ковриком на полу, то ли в бардачке, Блейз уже забыл где. Иногда он сильно сомневался в том, что Джордж – очень хороший друг.

Он замел следы щеткой, но поначалу постоял несколько минут, любуясь ими – столбиками снега, который вминался во впадины протектора, тенями, которые отбрасывали эти столбики. Такие маленькие, такие совершенные, и никто никогда не обращал на них внимания. Он разглядывал их, пока не надоело смотреть (Джорджа-то, который предложил бы ему поторопиться, нет). А потом прошелся по всей короткой подъездной дорожке до самого шоссе, сметая следы, оставленные колесами «форда». Ночью по шоссе проехал снегоочиститель, вытала кивая на обочины снежные дюны, которые ветер наметал на этих дорогах, проложенных среди открытых полей, что по одну, что по другую сторону, так что других следов не осталось.

Блейз вернулся к лачуге. Вошел. Теперь внутри было значительно теплее. Когда он вылез из кровати, ему показалось, что в доме собачий холод, а теперь вдруг стало тепло. Занятно, правда, как могли меняться ощущения человека в одних и тех же условиях. Он снял армейскую куртку, башмаки, фланелевую рубашку, сел за стол в нижней рубашке и вельветовых брюках. Включил радио и удивился: настроено не на рок, который всегда слушал Джордж, а на милое сердцу кантри. Лоретта Линн²¹ пела, что твоя хорошая девушка может стать очень даже плохой. Джордж рассмеялся бы и сказал что-то вроде: «Это точно, милашка, можешь стать плохой и сесть мне на лицо». И Блейз рассмеялся бы вместе с ним, но, если по-честному, песня эта всегда навевала на него грусть.

Когда кофе сварился, он вскочил и налил две чашки. В одну добавил сливок и завопил: – Джордж? Вот твой кофе, дружище! Не дай ему остыть!

Нет ответа.

Он посмотрел на кофе со сливками. Сам он не пил кофе с чем бы то ни было, и что с ним теперь делать? Что с ним теперь делать? Что-то поднялось к горлу, и он чуть не швырнул гребаный кофе со сливками через комнату, но сдержался. Вместо этого отнес к раковине и вылил. Это называлось держать себя в руках. Когда ты здоровяк, нужно уметь держать себя в руках, а не то нарвешься на неприятности.

Блейз оставался в лачуге, пока не прошло время ленча. Потом выкатил украденный автомобиль из сарая, остановил у кухонных ступенек для того, чтобы забросать снежками номерные знаки. Умно! Теперь снег не позволял их разглядеть.

– И что, скажи на милость, ты делаешь? – спросил Джордж из сарая.

– Не важно, – ответил Блейз, – все равно ты только у меня в голове, – сел в «форд» и выехал на шоссе.

– Не очень-то здоровое решение. – Джордж уже расположился на заднем сиденье. – Разъезжать по городу в украденном автомобиле. Не перекусил его, не поменяв номерные знаки. И куда ты направляешься?

Блейз не ответил.

²¹ Лоретта Линн (р. 1932) – одна из наиболее знаменитых и титулованных исполнительниц песен в стиле кантри.

– Ты же не едешь в Окома-Хайтс, а?

Блейз не ответил.

– Ох, твою мать, похоже, едешь. Будь я проклят! Так уж тебе обязательно довести до конца это дельце?

Блейз не ответил. Словно в рот воды набрал.

– Послушай меня, Блейз. Поверни назад. Тебя арестуют, это же ясно. Ничего у тебя не получится. Будь уверен.

Блейз знал, что Джордж прав, но поворачивать не стал. Почему Джордж всегда командует им? Даже мертвый не может перестать отдавать приказы. Конечно, план придумал Джордж, план этого большого дела, провернуть которое мечтает каждый мелкий жулик. «Только у нас действительно все получится», – говорил он, но обычно в сильном подпитии, и по голосу не чувствовалось, что он в это верил.

Большую часть времени они прокручивали несложные аферы, требовавшие участия двух человек, и Джорджа, похоже, это вполне устраивало, что бы он ни говорил, когда напивался или выкуривал «косяк». Может, эта идея с Окома-Хайтс была для Джорджа всего лишь игрой или тем самым, что он называл мысленной мастурбацией, когда видел мужчин в костюмах, рассуждающих в телевизоре о политике. Блейз знал, что Джордж умен. Если в чем и сомневался, так только в его силе духа.

Но теперь, когда Джордж мертв, какой у него выбор? Сам по себе Блейз ни на что не годился. После смерти Джорджа однажды попытался срубить легких денег, так ему пришлось бежать со всех ног, чтобы не загреметь за решетку. Фамилию женщины он взял на странице некрологов, точно так же, как это делал Джордж, и начал говорить то же, что говорил Джордж. Показал копию кредитного чека (их в лачуге стоял целый пакет, из лучших магазинов). Сказал, что очень сожалеет, поскольку пришел в столь тяжелое время, но бизнес есть бизнес, и она, конечно, понимает. Она ответила, что понимает. Пригласила в прихожую, попросила подождать, пока сходит за кошельком. Он и представить себе не мог, что она вызовет полицию. Если б она не вернулась и не наставила на него револьвер, он бы так и стоял, пока не приехали бы копы и не забрали его. Чувство времени не подсказало бы, что пора сматываться.

Но она вернулась с нацеленным на него револьвером. Это был серебристый женский револьвер с какими-то завитушками по бокам и перламутровой рукояткой.

– Полиция уже выехала, – сказала она, – но прежде чем они появятся здесь, я хочу, чтобы ты мне кое-что объяснил. Я хочу, чтобы ты сказал мне, каким же нужно быть подонком, чтобы пытаться обмануть женщину, которая только что похоронила мужа?

Блейза не волновало, что она хотела от него услышать. Он повернулся и выскочил за дверь, скатился с крыльца, помчался прочь от дома. Бегал он очень даже быстро, стоило ему сдвинуться с места, вот только сдвинуться для него было не просто, а в тот день паника еще сильнее затормозила его. Если бы женщина нажала на спусковой крючок, то могла бы попасть ему в спину или в большую голову, или отстрелить ухо, или промазать. Поскольку револьвер был с укороченным стволом, куда попала бы пуля, не скажешь. Но женщина не выстрелила.

В лачугу он вернулся с завязанным в узлы желудком, едва сдерживая стоны страха. Он не боялся тюрьмы или любого другого исправительного учреждения, не боялся даже полиции (хотя и знал, что они запутают его своими вопросами, всегда запутывали). Испугался он другого – легкости, с которой она раскусила его. Словно для нее это было раз плюнуть. Вот Джорджа они раскусывали крайне редко, а когда раскусывали, он сразу понимал, что происходит, и вовремя ретировался.

А теперь это. Блейз знал, что не сумеет все провернуть, но не отступался. Может, хотел обратно в тюрьму. Может, это не самый худший вариант, теперь, когда Джорджа нет. Пусть кто-то еще думает за него и приносит еду.

Может, хотел, чтобы его арестовали прямо сейчас, когда он ехал на украденном автомобиле по Окома-Хайтс. Аккурат мимо дома Джерардов.

Зима в Новой Англии очень холодная, и дом выглядел, будто замороженный дворец. Окома-Хайтс, как говаривал Джордж, для богатеньких, так что дома больше напоминали особняки. Летом они высились посреди просторных лужаек, но теперь лужайки превратились в сверкающие под солнцем снежные поля. Благо в эту зиму снега выпало много.

И дом Джерардов был одним из лучших. «Колониальные понты», так Джордж называл его, но Блейз думал, что дом прекрасен. Джордж рассказывал, что начальный капитал Джерарды сделали на морских перевозках. Первая мировая война обогатила их, Вторая – сделала богами. Снег и солнце холодным огнем отражались от множества окон. Джордж говорил, что в доме более тридцати комнат. Он провел разведку, выдав себя за сотрудника компании «Сентрал вэлли пауэр», снимающего показания электросчетчиков. Было это в сентябре. Блейз сидел за рулем грузовичка, который они скорее позаимствовали на время, чем украли, хотя он предполагал, что полиция, если бы они попались, обвинила бы их в краже. Какие-то девушки играли в крикет на боковой лужайке. То ли ученицы средней школы, то ли студентки колледжа, симпатичные. Блейз смотрел на них и уже начал возбуждаться. Когда Джордж вернулся и велел заводить двигатель и сматываться, Блейз рассказал ему о симпатичных девушках, которые к тому времени ушли за дом.

– Я их видел, – ответил Джордж. – Думают, что они лучше всех. Думают, что их говно не воняет.

– Миленькие, однако.

– Да кого это волнует? – мрачно ответил Джордж, скрестив руки на груди.

– У тебя на них когда-нибудь вставало, Джордж?

– На таких крошек? Ты с ума сошел. Заткнись и веди машину.

Теперь, вспоминая тот разговор, Блейз улыбался. Джордж напоминал лису, которая не могла дотянуться до винограда, вот и говорила всем, что ягоды кислые. Мисс Джолисон читала им эту басню во втором классе.

По словам Джорджа, семья была большая. Старые мистер и миссис Джерард, причем он в свои восемьдесят мог за день высосать пинту «Джека». Средние мистер и миссис Джерард. И еще младшие мистер и миссис Джерард. Младший мистер Джерард звался Джозефом Джерардом-третьим и действительно был молод – двадцать пять лет. Его жена была нармянкой²², то есть, как считал Джордж, из спиков²³. Раньше Блейз думал, что спиками называют только итальянцев.

Дальше по улице он развернулся и проехал мимо дома еще раз, гадая, каково это, жениться в двадцать два года. Сразу направился домой. Следовало и честь знать.

У средних Джерардов были и другие дети, помимо Джозефа Джерарда-третьего, но они значения не имели. Кто имел значение, так это младенец. Джозеф Джерард-четвертый. Большое имя для такой крошки. В сентябре, когда Блейз и Джордж снимали показания электросчетчика, младенцу было только два месяца. То есть теперь... один, два, три, четыре месяца между сентябрем и январем... стало шесть. Он был единственным правнуком первого Джо, основателя династии.

– Если ты задумал кого-то похитить, то похищать нужно младенца, – говорил Джордж. – Младенец тебя не опознает, следовательно, ты можешь вернуть его живым. И он не будет портить тебе жизнь, пытаясь убежать, или выбросить в окно записку, или что-то еще. Будет только лежать, и ничего больше. Даже не узнает, что его похитили.

²² В оригинале: «His wife was a Narmenian». Скорее всего полуграмотный Блейз отрывает «п» от неопределенного артикля «an» и добавляет к «Armenian».

²³ Спик – пренебрежительное прозвище латиноамериканцев.

Они сидели в лачуге перед телевизором, пили пиво.

– И сколько, ты думаешь, с них можно поиметь? – спросил Блейз.

– Достаточно для того, чтобы больше не проводить ни одного зимнего дня с замерзшей жопой, продавая фальшивые подписки на журналы или собирая пожертвования для Красного Креста, – ответил Джордж. – Как тебе это нравится?

– Но сколько бы ты попросил?

– Два миллиона, – ответил Джордж. – Один для тебя и один для меня. Чего жадничать?

– Жадность губит, – ввернул Блейз.

– Жадность губит, – согласился Джордж. – Именно этому я тебя и учил. Но сколько стоит рабочий, Блейз-э-рино? Что я тебе говорил по этому поводу?

– Своей зарплаты.

– Совершенно верно. – Джордж глотнул пива. – Рабочий стоит своей гребаной зарплаты.

И теперь он ехал к своему жалкому домишке, где они с Джорджем жили с того момента, как перебрались к северу от Бостона, действительно собираясь похитить младенца. Он понимал, что его могут схватить... но два миллиона долларов! Он смог бы куда-нибудь уехать и больше никогда не мерзнуть. А если его арестуют? Самое худшее, что они могли с ним сделать, так это дать пожизненный срок.

Если б такое произошло, он опять-таки никогда бы больше не мерз.

Поставив угнанный «форд» в сарай, он вспомнил о том, что нужно замести следы. Вот бы Джордж поразился.

Дома он поджарил пару гамбургеров.

– Ты действительно собираешься это проверить? – спросил Джордж из другой комнаты.

– Ты прилег, Джордж?

– Нет, стою на голове и гоняю шкурку. Я задал тебе вопрос.

– Попытаюсь. Ты мне поможешь?

Джордж вздохнул.

– Полагаю, придется. Теперь я от тебя никуда. Но... Блейз?

– Что, Джордж?

– Проси только один миллион. Жадность губит.

– Хорошо, только миллион. Хочешь гамбургер?

Нет ответа. Джордж опять умер.

Глава 3

Он готовился похитить младенца в тот же вечер, чем раньше, тем лучше, но Джордж ему не позволил.

– И что ты собрался делать, тупая башка?

Блейз уже собрался идти в сарай, чтобы вставить ключ в замок зажигания «форда».

– Готовлюсь к тому, чтобы это сделать, Джордж.

– Сделать что?

– Похитить младенца.

Джордж рассмеялся.

– Чего ты смеешься, Джордж? – спросил он, подумав при этом: «Как будто я сам не знаю!»

– Над тобой.

– Почему?

– И как ты собираешься его похитить? Расскажи мне.

Блейз нахмурился. Его лицо, и без того уродливое, превратилось в морду тролля.

– Как мы и планировали. Из его комнаты.

– Какой комнаты?

– Ну...

– Как ты собираешься туда попасть?

Это он помнил.

– Через одно из окон второго этажа. Там простые задвижки. Ты это видел, Джордж. Когда мы приезжали от той электрической компании. Помнишь?

– Лестница есть?

– Ну...

– Когда младенец будет у тебя, куда ты его положишь?

– В автомобиль, Джордж.

– Ох, слов нет – одни буквы. – Такое Джордж говорил, лишь когда доходил до точки и не мог найти другого выражения.

– Джордж...

– Я знаю, что ты положишь его в гребаный автомобиль, я бы и не подумал, что ты собираешься нести его домой на спине. А что ты собираешься делать потом? Куда ты положишь его потом?

Блейз подумал о лачуге. Огляделся.

– Ну...

– Как насчет пеленок? Ползунков? Бутылочек? Детской еды? Или ты собираешься давать ему на гребаный обед гамбургер и бутылку пива?

– Ну...

– Заткнись! Заговоришь еще раз, и меня вырвет!

Блейз плюхнулся на кухонный стул, опустив голову. Его лицо горело от стыда.

– И выключи эту дерьмовую музыку! Эта тетка так надрывается, словно собирается залезть к себе под юбку!

– Хорошо, Джордж.

Блейз выключил радио. Телевизор, японское старье, купленное Джорджем на распродаже, уже сломался.

– Джордж?

Нет ответа.

– Джордж, пожалуйста, не уходи. Извини меня. – Блейз слышал страх в собственном голосе. Чуть ли не плакал.

– Ладно, – раздался голос Джорджа, когда Блейз уже подумал, что тот ушел навсегда. – Вот что ты должен сделать. Ограбь маленький магазин. Не большой. Маленький. Тот семейный магазинчик на шоссе номер 1, где мы покупали разную мелочевку, вполне подойдет.

– Хорошо.

– «Кольт» все еще у тебя?

– Под кроватью, в коробке из-под обуви.

– Возьми его. И натяни чулок на лицо. Иначе парень, который работает в ночную смену, узнает тебя.

– Хорошо.

– Пойдешь туда в субботу вечером, перед самым закрытием. Скажем, без десяти час. Они не берут чеки, поэтому ты сможешь забрать две-три сотни баксов.

– Конечно! Это здорово!

– Блейз, и вот что еще.

– Что, Джордж?

– Вытащи патроны, понял?

– Конечно, Джордж. Я это знаю, так мы всегда и делаем.

– Так мы всегда и делаем, точно. *Вот такой у нас расклад.* Ударь этого парня, если придется, но сделай все, чтобы этот случай попал максимум на третью страницу местной газеты. Никаких первых полос.

– Хорошо.

– Ты – ослиная жопа, Блейз. Ты это знаешь, так? Тебе этого никогда не провернуть. Может, будет лучше, если ты попадешься на мелочевке.

– Я не попадусь, Джордж.

Нет ответа.

– Джордж?

Нет ответа. Блейз сдался и включил радио. К ужину он все забыл и накрыл стол на двоих.

Глава 4

Клайтон Блейсделл-младший родился во Фрипорте, штат Мэн. Через три года его мать сибиб грузовик, когда она переходила Мэйн-стрит с пакетом продуктов. Она погибла мгновенно. Шофер был пьян и управлял автомобилем без водительского удостоверения. На суде сказал, что очень сожалеет. Плакал. Обещал вновь вернуться к «Анонимным алкоголикам». Судья назначил ему штраф и приговорил к шестидесяти дням. У маленького Клая началась Жизнь с Отцом, который многое знал о выпивке, но ничего – об АА. Клайтон-старший работал подборщиком и сортировщиком на «Супериэр миллс» в Топшэме. Другие рабочие говорили, что иногда даже видели его трезвым.

Клай уже читал, когда пошел в первый класс, и без проблем мог прибавить к двум яблокам три, получив правильный результат. Даже тогда он был крупным для своего возраста мальчиком, и хотя во Фрипорте многие вопросы решались кулаками, у него не возникало проблем на игровой площадке, пусть он обычно являлся туда с книгой, зажатой в левой руке или под мышкой. Но его отец был куда крупнее, поэтому других детей интересовало, с каким синяком или повязкой Клай Блейсделл придет в школу в следующий понедельник.

– Будет чудом, если он вырастет без тяжелого увечья или отец его не убьет, – как-то раз сказала в учительской Сара Джолисон.

Чуда не произошло. Одним субботним похмельным утром Клайтон-старший, пошатываясь, вышел из спальни квартиры на втором этаже, которую они занимали с сыном. Клай в это время сидел на полу гостиной, смотрел мультфильмы и ел «Эппл Джекс»²⁴.

– Сколько раз я говорил тебе, не ешь здесь это дерьмо? – осведомился Старший у Младшего, потом поднял сына и сбросил с лестницы. Клай приземлился на голову.

Отец спустился вниз, поднял его, отнес наверх, бросил снова. После первого падения Клай остался в сознании. После второго отключился. Отец опять спустился вниз, поднял сына, принес наверх, оглядел. Пробурчал: «Гребаный сукин сын», – снова бросил вниз.

– Вот, – сказал он лежащему у подножия лестницы Клаю, более всего напоминающему тряпичную куклу. – Может, теперь ты подумаешь дважды, прежде чем снова принесешь в гостиную это гребаное дерьмо.

К сожалению, с тех пор Клай уже не мог хоть о чем-то подумать дважды. Три недели он пролежал в коме в Портлендской центральной больнице. Лечащий врач полагал, что мальчик останется в таком состоянии до самой смерти, превратившись в овощ. Но Клай очнулся. К сожалению, слабоумным. Времена, когда он не расставался с книжкой, канули в Лету.

Власти не поверили отцу Клая, когда тот заявил, что мальчик получил все эти травмы, случайно свалившись с лестницы. Не поверили они и его утверждению, что четыре сигаретных ожога на груди ребенка – результат какой-то кожной болезни.

Клай больше не увидел той квартиры на втором этаже. Опекун над ним взял штат, и из больницы он отправился в приют, где его сиротская жизнь началась с того, что на игровой площадке двое мальчишек выбили из-под него костыли и убежали, смеясь, как тролли. Клай подобрал костыли и поднялся. Не заплакал.

Его отец протестовал против решения органов опеки как в полиции, так и, куда более активно, в нескольких барах. Грозил обратиться в суд, чтобы вернуть сына, но так и не обратился. Заявлял, что любит Клая, и, возможно, действительно любил, да только любовь эта оборачивалась синяками и ожогами. Так что в приюте мальчику было лучше.

²⁴ «Эппл Джекс» – сухой завтрак компании «Келлогг», миниатюрные колечки, изготовленные из муки, сушеных яблок и корицы.

Но не намного лучше. Приют Хеттон-Хауз в южном Фрипорте особых удобств не предоставлял, и детство у Клая было жутким, пусть ситуация несколько выправилась после того, как зажило его тело. Тогда по крайней мере он смог ясно дать понять самым отъявленным задирам, что на игровой площадке им лучше обходить стороной и его, и тех детей помладше, которые обращались к нему за защитой. Задиры называли его Болваном, Троллем, Конгом, но он ничего не имел против этих прозвищ и оставлял задир в покое, если они не трогали его. Они и не трогали, после того, как он накостылял тем, кто пытался тронуть. Злым Клай не был, но, если его провоцировали, становился опасным.

Дети, которые не боялись Клая, называли его Блейзом, и со временем он так свыкся с этим прозвищем, что оно заменило ему имя.

Однажды он получил письмо от отца. «Дорогой сын, – говорилось в письме, – как ты поживаешь? У меня все отлично. Работаю в эти дни в Линкольне, катаю бревна. Все было бы хорошо, если бы эти б***и платили за сверхурочные. ХА! Я собираюсь купить небольшой домик и пошлю за тобой, как только это сделаю. Что ж, напиши мне короткое письмо и расскажи своему старому папе, как у тебя дела. Можешь прислать фотографию». Завершала письмо подпись: «С любовью, Клайтон Блейсделл».

У Блейза не было фотографии, чтобы отослать отцу, но он мог бы ему написать (учительница музыки, которая приходила по вторникам, помогла бы, в этом он не сомневался), да только на грязном измятом конверте не было обратного адреса. Лишь адрес получателя: «Клайтону Блейсделлу-младшему «Серотский приют» во ФРИТАУНЕ, МЭН».

Никаких других весточек Блейз от отца не получал.

За время пребывания в Хеттон-Хаузе его отправляли в несколько семей, всякий раз осенью. Новые «родители» держали Блейза достаточно долго, он помогал им собирать урожай и сметать снег с крыш и дорожек. Но, едва приходила весна, они решали, что он им не подходит, и отсылали обратно в приют. Иногда в новой семье было совсем и неплохо. Но иногда (как у Боуи с их жуткой собачьей фермой) – действительно ужасно.

После расставания с Хеттон-Хаузом Блейзу пришлось самостоятельно искать себе хлеб и кров в Новой Англии. Иногда он был счастлив, пусть и не хотел такого счастья, да и было это не то счастье, какое он видел у других людей. Наконец он осел в Бостоне (более или менее, корней не пускал нигде), потому что в сельской местности чувствовал себя очень уж одиноким. Там ему случалось ночевать в сарае, просыпаться глубокой ночью, выходить под открытое небо и смотреть на звезды. Их было так много, и он знал, что они были до него и будут после. Мысли эти вызывали у него и ужас, и восторг. Иногда, если он ловил попутку, и происходило это в ноябре, ветер обдувал его, трепал штанины, а он грустил о чем-то утерянном, вроде того письма, что пришло без обратного адреса. Иногда по весне он смотрел в небо и видел птицу. Бывало, этого хватало для счастья, но чаще он замечал, как что-то внутри его становится маленьким и может вот-вот разбиться.

«Нехорошие это ощущения, – думал он, – и раз уж они возникают, не следует мне смотреть на птиц». Но иной раз все равно поднимал взгляд к небу.

Бостон пришелся ему по душе, но временами Блейз испытывал страх. В городе жили множество людей, миллион, может, больше, и никому не было никакого дела до Клая Блейсделла. Если они и обращали на него внимание, то лишь из-за внушительных габаритов да вмятины во лбу. Иногда он находил какое-то развлечение, иногда пугался. Он как раз пытался немного поразвлечься в Бостоне, когда встретил Джорджа Рэкли. А после того, как он встретил Джорджа, жизнь стала лучше.

Глава 5

Маленький семейный магазин назывался «Тим-и-Джанетс куик-пик». Дальние от входа полки были забиты бутылками вина и шестибаночными упаковками пива. Огромный холодильный шкаф тянулся вдоль задней стены. На стеллажах двух из четырех проходов лежали расфасованные продукты. За кассовым аппаратом стояла бутылка размером с маленького ребенка, наполненная маринованными яйцами. В «Тим-и-Джанетс» продавали и предметы первой необходимости: сигареты, гигиенические прокладки, хот-доги, сборники кроссвордов.

Вечерами в магазине работал прыщавый парень, который днем учился в Портлендском отделении Университета Мэна. Звали его Гарри Нейсон, и он писал диплом по скотоводству. Когда без десяти час в магазин вошел здоровенный мужчина с вмятиной на лбу, Нейсон читал книгу, которую взял с полки, заставленной женскими романами. Называлась книга «Большой и крепкий». Вечерний наплыв покупателей сошел на нет. Нейсон решил, что как только здоровяк купит бутылку вина или упаковку пива, он закроет магазин и пойдет домой. Может, возьмет с собой книгу и подрочит. Он как раз думал о том, что эпизод со странствующим проповедником и двумя похотливыми вдовами вполне для этого подойдет, когда здоровяк сунул ему под нос ствол и сказал:

– Вываливай все, что в кассовом аппарате.

Книга выпала у Нейсона из рук. Мысли о дрочке разом вылетели из головы. Он вытирались на ствол. Открыл рот, чтобы сказать что-то умное. Какую-нибудь фразу из тех, что человек, на которого наставили пистолет, говорит в телевизионном сериале, если человек этот – главный герой. Но с губ сорвалось лишь: «А-а-а-а».

– Вываливай все, что в кассовом аппарате, – повторил здоровяк. Вмятина во лбу пугала. Достаточно глубокая, чтобы в ней разместился пруд с лягушками.

Тут Гарри Нейсон вспомнил (хотя голова работала плохо) полученные от босса инструкции на случай ограбления: не спорить с грабителем, сразу отдать все, что он требует. Магазин полностью застрахован. Нейсон вдруг осознал, что тело его очень нежное и уязвимое, в нем полным-полно всяких полостей и жидкостей. Мочевой пузырь расслабился. И тут же нестерпимо захотелось срать.

– Ты меня слышал?

– А-а-а-а, – подтвердил Нейсон и нажал на клавишу «NO SALE» на кассовом аппарате.

– Положи деньги в пакет.

– Хорошо. Да. Конечно. – Он сунул руку на полку под кассовым аппаратом, где лежали пакеты, свалил большую часть на пол. Наконец ухватился за один, раскрыл, начал скидывать туда купюры из отделений денежного ящика, который выдвинулся из кассового аппарата.

Дверь открылась, вошли молодой человек и девушка, скорее всего студенты. Увидели ствол и остановились.

– Это что? – спросил молодой человек. Он курил сигариллу, а его пальто украшал круглый значок с надписью «POT ROCKS»²⁵.

– Ограбление, – ответил Нейсон. – Пожалуйста, не злите этого господина.

– Ну и ну. – Лицо парня со значком начало расплываться в улыбке. Он нацелил на Нейсона палец. С грязью под ногтем. – Так этот хрен тебя грабит?

Мужчина с пистолетом повернулся к Значку.

– Бумажник, – потребовал он.

– Слушай, – Значок все улыбался, – я на твоей стороне. Цены в этом магазине... и все знают, что Тим и Джанет Куарлес – первые реакционеры после Гитлера...

²⁵ Pot Rocks – «травка» рулит (англ.).

– Дай мне бумажник, а не то я вышибу твои мозги.

Значок внезапно осознал, что он может нарваться на серьезные неприятности, и это точно не кино. Он перестал улыбаться и разглагольствовать. Несколько красных пятен проступило на резко побледневшем лице. Он вытащил черный «Лорд Бакстон»²⁶ из кармана джинсов.

– Когда нужен коп, его вечно нет, – холодно отметила девушка. В длинном коричневом пальто и черных кожаных сапогах. Волосы цветом соответствовали сапогам. Во всяком случае, на этой неделе.

– Брось бумажник в пакет, – потребовал здоровяк с револьвером. Потом Гарри Нейсон не раз думал, что в тот момент мог стать героем, если бы оглушил грабителя гигантской бутылкой с маринованными яйцами. Только, судя по внешнему виду, у грабителя была крепкая голова. Очень крепкая.

Бумажник исчез в пакете.

Грабитель обошел студентов по широкой дуге, направляясь к двери. Для своих габаритов двигался он проворно.

– Свинья, – бросила девушка.

Грабитель остановился как вкопанный. На мгновение девушка подумала (так она потом рассказывала полиции), что сейчас он развернется, начнет стрелять и положит их всех. Позднее, в полиции, в своих показаниях они разошлись в цвете волос (каштановые, русые, светлые), цвете лица (белокожее, румяное, бледное), одежде (куртка с капюшоном, ветровка, шерстяная рубашка), но все, как один, отметили внушительные габариты грабителя и запомнили его последние слова. Адресовались они ничем не примечательной темной двери и прозвучали почти как стон: «Господи, Джордж, я забыл про чулок!»

А потом он ушел. На мгновение они увидели его, бегущего мимо витрины в холодном белом свете неоновой рекламы «Шлиц», что горела над входом в магазин, потом на другой стороне улицы взревел двигатель, и здоровяк укатил в ночь. На седане. Больше они ничего определить не смогли, ни компанию-изготовителя, ни модель автомобиля. Как раз повалил снег.

– Слишком много за пиво, – заметил Значок.

– Пойди к холодильному шкафу и возьми бутылку, – предложил Гарри Нейсон. – За счет заведения.

– Да? Ты уверен?

– Конечно, уверен. И ты тоже. – Он посмотрел на девушку. – Почему нет, мы застрахованы. – И он захохотал.

Когда полиция допрашивала его, он сказал, что никогда не видел этого грабителя. И только позже у него возникли сомнения. Вроде бы он видел его прошлой осенью, в компании тощего недомерка с крысиным лицом, который покупал вино и ругался.

²⁶ «Лорд Бакстон» – компания по производству изделий из кожи.

Глава 6

Когда Блейз проснулся следующим утром, снега навалило чуть ли не до свесов крыши лачуги, а огонь погас. Мочевой пузырь Блейза сжался, едва его ноги коснулись ледяного пола. На пятках он поспешил в ванную, морщась, при каждом выдохе изо рта вырывалось облако белого пара. Моча секунд тридцать вытекала под давлением по крутой дуге, и лишь потом ее напор спал. Блейз удовлетворенно вздохнул, стряхнул последние капли, подпортил воздух.

За стенами дома ревел и буйствовал ветер. Сосны перед окном кухни гнулись и раскачивались. Блейзу они напоминали худых женщин на похоронах.

Он оделся, открыл дверь черного хода, добрался до поленицы под южным свесом. Подъездную дорожку полностью замело. Видимость составляла пять футов, может, и меньше. Его это радовало. Ветер метнул пригоршню жесткого крупяного снега ему в лицо. Его это радовало.

Отапливали лачугу тяжелыми дубовыми поленьями. Блейз набрал огромную охапку, остановился в дверях только для того, чтобы стряхнуть снег с ног. Разжег плиту, не снимая куртки. Потом налил воды в кофейник. Поставил на стол две чашки.

Постоял, хмурясь. Что-то он забыл.

Деньги! Он забыл пересчитать деньги.

Двинулся в другую комнату. Голос Джорджа остановил его. Джордж был в ванной.

– Ослиная жопа.

– Джордж, я...

– «Джордж, я – ослиная жопа». Можешь ты это сказать?

– Я...

– Нет, скажи: «Джордж, я – ослиная жопа, которая забыла натянуть на лицо чулок».

– Я добыл д...

– Скажи это.

– Джордж, я – ослиная жопа. Я забыл.

– Забыл что?

– Забыл натянуть на лицо чулок.

– А теперь скажи все вместе.

– Джордж, я – ослиная жопа, которая забыла натянуть на лицо чулок.

– А теперь вот что скажи. Скажи: «Джордж, я ослиная жопа, которая хочет, чтобы ее поймали».

– Нет! Это неправда! Это ложь, Джордж!

– Это как раз правда. Ты хочешь попасться, отправиться в Шоушенк и работать в прачечной. Это правда, только правда и ничего, кроме правды. Это правда на палочке. Ты – тупая животное. *Вот* правда!

– Нет, Джордж. Это неправда. Даю слово.

– Я ухожу.

– Нет! – От паники перехватило дыхание. Она не давала дышать, как рукав старой фланелевой рубашки, который отец однажды засунул ему в рот, чтобы оборвать его крики. – Нет, я забыл, я – тупица, без тебя я никогда не вспомню, что нужно купить...

– Желаю тебе хорошо провести время, Блейзер. – Голос Джорджа по-прежнему доносился из ванной, но стал заметно тише. – Ты его отлично проведешь, когда тебя поймут, отправят за решетку и дадут гладить эти гребаные простыни.

– Я буду делать все, что ты говоришь. Я больше не напортачу.

Потянулась долгая пауза. Блейз уже решил, что Джордж ушел.

– Может, я еще вернусь. Но не думаю.

– Джордж! Джордж!

Кофе закипел. Блейз налил одну чашку и прошел в спальню. Пакет из коричневой бумаги с деньгами лежал под матрацем со стороны Джорджа. Он вытряс деньги на простыню, которую постоянно забывал менять. Она застилала кровать уже три месяца, с того дня, как умер Джордж.

Навар с семейного магазина составил двести шестьдесят долларов. Еще восемьдесят оказалось в бумажнике студента. Более чем достаточно, чтобы купить...

Что? Что следовало покупать?

Подгузники. Понятное дело. Если хочешь похитить младенца, нужно запастись подгузниками. И многим другим. Но он не мог вспомнить, чем именно.

– Что нужно, кроме подгузников, Джордж? – спросил он с нарочитой небрежностью, надеясь застать Джорджа врасплох, чтобы тот от неожиданности заговорил. Но Джордж на приманку не клюнул.

Может, я еще вернусь. Но не думаю.

Он убрал деньги в пакет из коричневой бумаги, заменил бумажником студента собственный, изношенный, поцарапанный, весь в трещинах. В его бумажнике лежали две засаленные долларовые купюры, выцветшая кодаковская фотография его обнимающихся отца и матери и фотография, сделанная в фотобудке – самого Блейза и его единственного друга из Хеттон-Хауза, Джона Челцмана. А также счастливые полдоллара с изображением Кеннеди, старый счет за глушитель (из тех времен, когда они с Джорджем ездили на большом, вечно ломающемся «понтиак-бонневилле») и сложенный «полароид».

Джордж смотрел с «полароида» и улыбался. Чуть шурился, потому что солнце било в глаза. В джинсах и рабочих ботинках. В шляпе набекрень, сдвинутой влево, как и всегда. Джордж говорил, что сдвиг влево приносит удачу.

У них было много разных трюков, и большинство из них (самые лучшие) не требовали особых усилий. В некоторых расчет строился на обмане, в других – на жадности, в третьих – на страхе. Джордж называл их мелким надувательством. А те трюки, что основывались на страхе, – страшилками.

– Я люблю это простенькое дерьмо, – говорил Джордж. – Почему я люблю это простенькое дерьмо?

– Мало движущихся частей, – отвечал Блейз.

– Именно! Мало движущихся частей.

В лучшей из страшилок Джордж одевался, как он сам говорил, «слишком уж ярко», а потом отправлялся в некоторые известные ему бары. Они не были барами для геев или барами для мужчин с нормальной сексуальной ориентацией. Джордж называл их «серыми барами». И жертва всегда находила Джорджа. Сам Джордж никогда не проявлял инициативы. Блейз раз или два задумывался над этим (насколько мог задумываться), но так и не смог прийти к какому-то выводу.

У Джорджа был нюх на скрытых гомосексуалистов и бисексуалов, которые раз или два в месяц отправлялись на поиски приключений, спрятав обручальное кольцо в бумажник. Оптовые торговцы, страховщики, школьные администраторы, молодые, умные банковские чиновники. Джордж говорил, что от них шел характерный запах. И Джордж очаровывал их. Помогал им преодолеть застенчивость, находил нужные слова. А потом упоминал, что остановился в хорошем отеле. Не в известном отеле, а в хорошем. И безопасном.

Речь шла об «Империале», расположенном неподалеку от Чайнатауна. У Джорджа и Блейза были все необходимые договоренности с портье второй смены и бригадиром коридорных. Номер мог меняться, но всегда находился в конце коридора, а примыкающие к нему номера пустовали.

Блейз сидел в вестибюле отеля с трех до одиннадцати. В такой одежде на улицу он бы никогда не вышел. Волосы блестели от масла. В ожидании Джорджа пролистывал комиксы. Уходящего времени не замечал.

Гениальность Джорджа состояла в том, что лох, которого он приводил с собой, никогда не нервничал. Ему не терпелось остаться наедине с Джорджем, но никакой нервозности он не проявлял. Блейз давал им пятнадцать минут, потом поднимался в номер.

– Никогда не думай о том, что тыходишь в номер, – инструктировал его Джордж. – Представляй себе, что ты выходишь на сцену. И лох – единственный, кто не знает, что это представление.

Блейз открывал дверь своим ключом и являлся на сцену со словами: «Хэнк, дорогой, я так рад, что вернулся, – а потом приходил в ярость и изображал ее очень неплохо, хотя, возможно, и не дотягивал до голливудских стандартов: – Господи, нет! Я его убью! Я его убью!»

И тут же трехсотфунтовое тело нависало над кроватью, на которой трясся от страха лох, к тому времени обычно остающийся в одних носках. Джордж в последний момент успевал броситься между лохом и своим «разъяренным» бойфрендом. «Хоть какой, но барьер», – думал лох. Если еще мог думать. И тут же начиналась мыльная опера.

ДЖОРДЖ. Дана, послушай меня... все совсем не так, как кажется.

БЛЕЙЗ. Я его убью! Прочь с дороги, дай мне его убить! Я выброшу его в окно!

(Вскрики ужаса лоха – восемь, а то и десять.)

ДЖОРДЖ. Пожалуйста, дай сказать.

БЛЕЙЗ. Я оторву ему яйца!

(Лох начинает просить сохранить ему жизнь и половые органы, не обязательно в такой последовательности.)

ДЖОРДЖ. Нет, не оторвешь. Сейчас ты спустишься в вестибюль и там дождешься меня.

После этих слов Блейз предпринимал еще одну попытку добраться до лоха. Джорджу удавалось его удержать – из последних сил. Тогда Блейз вытаскивал бумажник из брюк лоха.

БЛЕЙЗ. Теперь у меня твоё имя и адрес, сука! И я позвоню твоей жене!

Вот тут большинство лохов забывали про угрозу и жизни, и гениталиям. Теперь их интересовали исключительно собственная честь и мнение соседей. Блейз находил такую смену приоритетов странной, но именно так происходило в реальной жизни. Бумажник, кстати, позволял вывести лоха на чистую воду. Лох говорил Джорджу, что зовут его Билл Смит и живет он в Нью-Рошелле, а на самом деле оказывался Доном Донахью из Бруклина.

Представление тем временем продолжалось, как и положено любому шоу.

ДЖОРДЖ. Иди вниз, Дана. Очень тебя прошу, иди вниз.

БЛЕЙЗ. Нет!

ДЖОРДЖ. Иди вниз, а не то я больше никогда не заговорю с тобой. Меня тошнит от твоих истерик и собственнических замашек.

Вот тут Блейз уходил, прижимая бумажник к груди, бормоча угрозы, бросая злобные взгляды на лоха.

Как только дверь закрывалась, лох разве что не целовал Джорджу ноги. Он должен заполучить бумажник. Он готов на все, лишь бы бумажник вернулся к нему. Деньги значения не имеют, но документы... Если Салли узнает... и Мелкий! Ох, Господи, если Мелкому станет известно...

Джордж успокаивал лоха. С этой частью представления он справлялся прекрасно. Говорил, что с Даной, возможно, удастся найти общий язык. Чего там, с Даной наверняка удастся найти общий язык. Ему требовалось несколько минут, чтобы успокоиться, а потом Джордж поговорит с ним наедине. Объяснит что к чему. И немного приголубит этого здоровенного болвана.

Блейз, разумеется, ждал Джорджа не в вестибюле, а в номере на втором этаже. Когда Джордж спускался, они подсчитывали добычу. Наихудшим результатом стали сорок три доллара. Наилучшим – пятьсот пятьдесят. Именно столько денег оказалось в бумажнике крупного менеджера продуктовой компании.

Они давали лоху достаточно времени, чтобы попотеть и сделать себе строгое внушение. Джордж давал лоху достаточно времени. Джордж точно знал необходимый временной интервал. Это было удивительно. Словно в голове у него работали часы с будильником, настроенным на каждого лоха. Наконец он возвращался в первый номер с бумажником, говорил, что Дана внял голосу разума, но деньги вернуть отказался. Все, что смог сделать Джордж, так это убедить его не брать кредитные карточки. Извини.

Лоха деньги нисколько не волнуют. Он уже лихорадочно копается в бумажнике, чтобы убедиться, что водительское удостоверение, карточка «Голубого креста»²⁷, карточка социального страхования и фотографии по-прежнему при нем. Все на месте. Слава Богу, все на месте. Став беднее, но мудрее, он одевается и, крадучись, выскальзывает из номера, возможно, всей душой сожалея о том, что родился с яйцами.

За четыре года, предшествовавших второму аресту Блейза, эту аферу они прокручивали чаще всего, и она никогда их не подводила. Не возникало у них проблем и с полицией. Блейз пусть и не блистал умом, но оказался хорошим актером. Джордж стал его вторым настоящим другом, и требовалось лишь представить себе, что лох убеждает Джорджа, будто Блейз – полная никчемность. И Джордж только попусту тратит на него время и талант. Что Блейз не только тупица, но еще и убийца, и хренов наркоман. Едва перед мысленным взором Блейза возникала такая картина, в нем поднималась волна праведной ярости. И отойди Джордж в сторону, Блейз переломал бы лоху руки. Может, убил бы его.

Теперь, вертя в руках полароидный снимок Джорджа, Блейз ощущал внутреннюю пустоту. Как в те моменты, когда смотрел в небо и видел или звезды, или птицу на телефонном проводе, или трубу, из которой поднимался дымок. Джордж ушел, а он по-прежнему глуп. Попал в переплет, а выхода нет.

Но, может, он сумеет доказать Джорджу, что ему хватит ума повернуть это дельце. Может, сумеет доказать, что нет у него намерения попасться. И что это означает?

Это означает подгузники. Подгузники и что еще? Господи, что еще?

Он глубоко задумался. И думал все утро, которое тянулось под падающий снег.

²⁷ «Голубой крест» – бесприбыльный страховой полис. Покрывает часть расходов, связанных с пребыванием в больнице.

Глава 7

В магазине «Все для младенцев» «Гигантского универмага Хагера» он казался таким же инородным телом, как булыжник – в гостиной. На нем были джинсы, рабочие ботинки с кожаными шнурками, фланелевая рубашка и черный кожаный ремень с пряжкой, сдвинутой влево, на удачу. На этот раз он вспомнил про кепку, ту самую, с наушниками, и теперь держал ее в руке. Стоял он посреди преимущественно розовой комнаты, залитой ярким светом. Посмотрел налево – и увидел столики для пеленания. Посмотрел направо – коляски. У него создалось полное ощущение, что он приземлился на Планете Младенцев.

Вокруг ходили женщины. Одни с большими животами, другие – с маленькими детьми. Большинство детей плакало, и все женщины настороженно поглядывали на Блейза, будто тот мог в любой момент озвереть и начать крушить Планету Младенцев, разбрасывая разорванные одеяла и плюшевых медвежат со вспоротыми животами. Подошла продавщица, чему Блейз очень обрадовался. Он не решался к кому-либо обратиться. Знал, когда люди боятся, и понимал, что здесь ему не место. Он, конечно, был туп, но не настолько.

Продавщица спросила, не требуется ли ему помощь. Блейз ответил, что требуется. Он не мог подумать обо всем, что хотел купить, как ни старался, вот и решил воспользоваться тем единственным средством, которое было в его распоряжении: обмануть.

– Я уезжал из штата. – Он обнажил зубы в улыбке, которая испугала бы и кугуара, но продавщица храбро улынулась в ответ. Ее макушка едва доставала до середины его грудной клетки. – И только что узнал, что жена брата... родила... пока я отсутствовал, видите ли, вот я и хочу купить мальчику... младенцу все необходимое. Что ему нужно.

Продавщица просяла.

– Понимаю. Какой вы щедрый. Какой заботливый. А что конкретно вы хотите купить?

– Я не знаю. Я ничего не знаю о... о младенцах.

– Сколько вашему племяннику?

– Кому?

– Сыну жены вашего брата.

– А! Понял! Шесть месяцев.

– Это хорошо. – Ее глаза сверкнули. – Как его зовут?

На мгновение вопрос поставил Блейза в тупик. Потом он пробормотал:

– Джордж.

– Прекрасное имя. Греческое. Означает «работающий на земле».

– Да? Ну, до этого еще далеко.

Продавщица продолжала улыбаться.

– Конечно. Ладно, а что у нее уже есть?

К этому вопросу Блейз подготовился.

– То, что есть, хорошим не назовешь. С деньгами у них туго.

– Понимаю. То есть вы хотите... начать с самого начала.

– Да. Вы все правильно поняли.

– Как вы щедры! Что ж, начинать надо с дальнего конца авеню Пуха, с Кроватной опушки. У нас есть отличные деревянные кровати...

Блейза потрясло, как много всего необходимо одному крохотному человеческому существу. Он-то полагал, что взял хорошие деньги в семейном магазине, но Планету Младенцев покинул с практически пустым бумажником.

Он купил кровать «Страна грез», люльку, высокий стульчик «Счастливый Гиппо», складной столик для пеленания, пластмассовую ванночку, восемь ночных рубашек, восемь

резиновых трусов, восемь нижних рубашек с застежками, принцип действия которых никак не мог понять, три простыни, больше похожие на столовые салфетки, три одеяла, валики для кровати, чтобы младенец, начав крутиться, не ударился головой о прутья решетки, свитер, шапочку, сапожки, красные туфельки с колокольчиками на язычках, двое штанишек в тон рубашкам, четыре пары носков, которые не налезали на его палец, набор бутылочек, сосок, клеенок (пластиковые подкладки выглядели точь-в-точь как мешочки, в которых Джордж покупал «травку»), ящик какой-то смеси, которая называлась «Симилак», ящик баночек с фруктовым пюре «Джуниор фрутс», ящик баночек «Джуниор диннер», ящик баночек «Джуниор десерт» и один набор посуды с синим гномиком Смurfом и другими героями этого мультсериала.

Вкус у младенческой еды был отвратительный. Он попробовал ее по приезде домой.

По мере того как свертки с покупками громоздились все выше в углу магазина, взгляды застенчивых молодых мамаш становились дольше и раздумчивее. Происходящее стало событием, отложившимся в памяти: здоровенный мужчина в одежде дровосека ходит за миниатюрной продавщицей от одного прилавка к другому, внимательно слушает, потом покупает все то, что она предлагает ему купить. Продавщицу звали Нэнси Молдау. Она получала процент от проданных товаров, и с каждой новой покупкой Блейза в ее глазах прибавлялось блеска. Наконец она пробила общую сумму и, когда Блейз отсчитывал деньги, Нэнси Молдау выдала ему четыре упаковки памперсов.

– Вы закрыли мне день, – сказала она. – Более того, вы сделали мне карьеру в торговле товарами для младенцев.

– Благодарю вас, мэм. – Блейз очень обрадовался памперсам. Про подгузники он напрочь забыл.

Когда он загружал две тележки покупками (на одну грузчик положил упакованные в картон высокий стульчик и детскую кроватку), Нэнси Молдау крикнула:

– Обязательно привезите этого молодого человека, чтобы мы его сфотографировали!

– Да, мэм, – пробормотал Блейз. Почему-то ему вспомнилось, как его в первый раз фотографировали в полиции и коп говорил: «А теперь повернись боком и снова согни колени, воришка. Господи, да кто вырастил тебя таким большим?»

– Фотография будет подарком от «Хагера».

– Да, мэм.

– Много покупок, – отметил грузчик, парень лет двадцати, у которого только-только начали проходить юношеские угри, и с маленьким красным галстуком-бабочкой. – Где стоит ваш автомобиль?

– В конце стоянки, – ответил Блейз.

И последовал за грузчиком, который вызвался довести одну из тележек, а потом пожаловался, как трудно ее катить по утрамбованному снегу.

– Здесь солью снег не посыпают, поэтому он забивает колеса. А потом эти чертовы тележки начинают скользить. И могут крепко вдарить по лодыжке, если ты вдруг отвлекся. Очень крепко. Я не жалуясь, но...

Тогда что ты делаешь, приятель? – Блейз буквально услышал вопрос Джорджа. *Жрешь кошачью еду из собачьей миски?*

– Вот он, – указал Блейз. – Мой.

– Да, понятно. Что вы хотите положить в багажник? Стульчик, кроватку или и то и другое?

Блейз внезапно вспомнил, что у него нет ключа от багажника.

– Давай положим все на заднее сиденье.

У грузчика широко раскрылись глаза.

– Я не думаю, что уместится. Более того, я уверен, что...

– Мы можем использовать и переднее. Поставим картонную коробку с кроватью на пол перед ним. Сиденье я отодвину как можно дальше.

– Почему не в багажник? Так же будет проще.

У Блейза возникла мысль сослаться на то, что багажник уже забит другими вещами, но врать не хотелось: одна ложь неминуемо вела к другой, и скоро ты словно путешествовал по незнакомым дорогам, где так легко заплутать. «Я всегда держусь правды, если есть такая возможность, – любил говорить Джордж. – Все ближе к дому».

Вот и Блейз решил соврать по минимуму.

– Я потерял ключи от автомобиля. И пока не найду их, у меня есть только этот.

– Ага. – Грузчик посмотрел на Блейза как на тупицу, но тот не смутился: так на него смотрели и раньше. – Облом.

В итоге они уместили в кабину все. Конечно, им пришлось проявить смекалку и свободного места осталось немного, но они справились. Когда Блейз, сев за руль, посмотрел в зеркало заднего обзора, он даже увидел часть мира за окном. Остальное отсекала картонная коробка с высоким стульчиком.

– Хороший автомобиль, – заметил грузчик. – Старый, но хороший.

– Точно, – кивнул Блейз и добавил фразу, которую иногда произносил Джордж: – Ушел из чартов, но не из наших сердец, – после чего задался вопросом: может, грузчик чего-то ждет? Вроде бы ждал.

– Какая у него коробка передач, триста вторая?

– Триста сорок вторая, – автоматически ответил Блейз.

Грузчик кивнул, продолжая стоять.

С заднего сиденья «форда» Джордж (места для него там не было, но как-то ему удалось разместиться) подал голос: «Если ты не хочешь, чтобы он простоял здесь до скончания веков, дай ему на чай и избавься от него».

Чаевые. Да. Конечно.

Блейз вытащил бумажник, посмотрел на оставшиеся купюры, с неохотой достал пятерку. Дал ее грузчику. Пятерка мгновенно исчезла.

– Счастливого пути, счастье твори и добро приноси!

– Само собой, – ответил Блейз. Сел в «форд», завел двигатель. Грузчик покатиł тележки к магазину. На полпути остановился, посмотрел на Блейза. Блейзу этот взгляд не понравился. *Запоминающий* взгляд.

– Мне следовало побыстрее дать ему чаевые. Так, Джордж?

Джордж не ответил.

Дома он загнал «форд» в сарай и перенес все покупки в дом. Собрал детскую кровать в спальне, рядом поставил столик для пеленания. Читать инструкции необходимости не было: он только смотрел на картинки на коробках, а руки делали остальное. Люлька отправилась на кухню, поближе к дровяной плите... но не очень близко. Остальное он сложил в стенной шкаф в спальне, чтобы не лежало на виду.

Когда он с этим покончил, в спальне что-то изменилось, и речь шла не о вновь появившейся мебели. Добавилось что-то еще. Изменилась атмосфера. Будто освободили призрака, позволили свободно здесь разгуливать. Причем не призрака человека, который когда-то покинул эту комнату, умер и ушел навсегда. Нет, призрака того, кому еще только предстояло сюда прийти.

Вот Блейзу и стало как-то не по себе.

Глава 8

Следующим вечером Блейз решил, что ему нужны новые номерные знаки для угнанного «форда», и он снял их с «фольксвагена» на автомобильной стоянке у магазина «Джимс джайнт гросерис» в Портленде. А взамен поставил фордовские номера. Могли пройти недели, а то и месяцы, прежде чем владелец «фольксвагена» понял бы, что ездит с чужими номерными знаками, потому что на наклейке была отпечатана цифра «7», означающая, что перерегистрацию этому парню предстояло пройти в июле. Всегда проверяй регистрационную наклейку. Так учил его Джордж.

Он поехал к магазину, где товары продавались со скидкой, чувствуя себя в безопасности с новыми номерными знаками, но зная, что ощущение безопасности усилилось бы, будь «форд» другого цвета. Он купил четыре банки автомобильной краски «Небесная синева» и распылитель. Вернулся домой практически без денег, но счастливый.

Поев рядом с плитой, выбивая ногами ритм по вытертому линолеуму под песню Мерла Хаггарда «Оки с Маскоги». Старина Мерл действительно знал, как всыпать этим гребаным хиппи.

Помыв посуду, затянул в сарай обмотанный изолентой удлинитель, повесил лампочку на потолочную балку. Красить Блейз обожал. «Небесная синева» была его любимым цветом. И название такое красивое. Синее, как небо. Небо, в котором звенит жаворонок.

Он вернулся в дом и принес пачку старых газет. Джордж читал газеты каждый день, и не только веселые истории. Иногда он даже зачитывал передовицы Блейзу и на чем свет стоит ругал этих деревенщин-республиканцев. Говорил, что республиканцы ненавидят бедняков. Президента называл исключительно «этот чертов хрен в Белом доме». Два года назад прилепил наклейки с призывом голосовать за кандидата от Демократической партии к бамперам трех украденных автомобилей.

Все газеты были старые, и обычно это обстоятельство навевало на Блейза грусть, но в этот вечер он предвкушал предстоящую покраску автомобиля. Закрыв газетами стекла и колеса. Заклеил скотчем хромированные детали корпуса.

К девяти вечера легкий банановый запах краски наполнил сарай, к одиннадцати Блейз работу закончил. Убрал газеты, коснулся нескольких мест, покрытых свежей эмалью, восхищаясь результатом своих трудов. По его мнению, все получилось как нельзя лучше.

Он улегся в кровать, слегка заторчав от паров краски, и наутро проснулся с головной болью.

– Джордж? – с надеждой спросил он.

Нет ответа.

– У меня нет ни цента, Джордж. В бумажнике пустота.

Нет ответа.

Блейз весь день прослонулся по дому, гадая, что же делать.

Продавец вечерней смены читал увлекательнейший роман «Мясистые балерины», когда ему под нос сунули «кольт». Тот самый «кольт». И тот самый голос мрачно предложил:

– Вываливай все из кассового аппарата.

– Ох, нет, – вырвалось у Нейсона. – Господи, нет.

Он поднял голову. Увидел перед собой жуткую образину в женском нейлоновом чулке, который свешивался на спину, как коса.

– Только не ты. Только не снова.

– Вываливай все из кассового аппарата. Положи в пакет.

На этот раз никто в магазин не вошел, а выручка, поскольку день был будний, оказалась меньше.

Грабитель на пути к двери остановился, обернулся.

«Сейчас меня застрелят», – подумал Нейсон. Но вместо того, чтобы выстрелить, грабитель сказал:

– На этот раз я вспомнил про чулок.

И вроде бы улыбнулся под нейлоном.

А потом ушел.

Глава 9

Когда Клайтон Блейсделл-младший попал в Хеттон-Хауз, его возглавляла директриса. Он не помнил ее имени, только седые волосы и большие серые глаза за очками. Помнил, что она читала им Библию, а утренний сбор всегда заканчивала словами: «Будьте хорошими детьми, и вас ждет процветание». Однажды она не появилась на работе, потому что у нее случился удар. Поначалу Блейз подумал, что люди говорят, будто у нее случился угар, но потом все понял: удар. Такая головная боль, которая не проходит. Директрису сменил Мартин Кослоу. Блейз никогда не забывал этой фамилии, и не только потому, что дети прозвали нового директора Закон²⁸. Блейз не забывал этой фамилии, потому что Закон преподавал арифметику.

Уроки арифметики проходили в кабинете номер 7 с желтым деревянным полом на третьем этаже, где зимой стоял такой холод, что яйца отмерзли бы и у бронзовой мартышки. На стенах висели портреты Джорджа Вашингтона, Авраама Линкольна и сестры Мэри Хеттон. Сестра отличалась бледностью лица, а черные волосы, забранные назад, на затылке образовывали пучок, похожий на дверную ручку. Иногда после отбоя Блейз видел перед собой темные глаза сестры, и они всегда его в чем-нибудь обвиняли. По большей части в тупости. В том, что он слишком туп для школы, как и говорил Закон.

В кабинете номер 7 всегда пахло мастикой для пола, а запах этот вгонял Блейза в сон, даже если он входил в комнату бодрым и отдохнувшим. Под потолком висели девять ламп в обшаренных мухами матовых шарах, которые в дождливые дни заливали комнату тусклым, печальным светом. Переднюю стену занимала черная грифельная доска, над которой крепили зеленые учебные плакаты с округлыми, по методу Палмера²⁹, буквами алфавита, прописными и строчными. После алфавита шли цифры, от 0 до 9, такие красивые, что от одного их вида ты чувствовал себя еще большим тупицей и неумехой. Парты были изрезаны накладывающимися друг на друга слоганами и инициалами. Большая их часть практически стерлась (столешницы периодически ошкуривали и красили вновь), но полностью уничтожить следы творчества учеников не удавалось. Все парты крепились к полу через железные диски. На каждой располагалась чернильница, наполненная чернилами, изготовленными компанией «Картерс инк». Того, кто проливал чернила, пороли ремнем в туалете. Пороли и за черные следы от каблучков на желтом полу, и за баловство на уроке. Последнее называлось Плохим поведением. Пороли и за многое другое: Мартин Кослоу верил в эффективность ремня и Палки. Палки Закона в Хеттон-Хаузе боялись больше всего, даже больше чудовищ, которые прятались под кроватями маленьких детей. Палка являла собой березовую лопатку, очень тонкую. Чтобы уменьшить сопротивление воздуха, Закон просверлил в ней четыре дырки. Он играл в боулинг за команду «Фалмутские рокеры», и по пятницам иногда приходил в школу в рубашке для боулинга. Темно-синей, с его именем, вышитым золотыми буквами над нагрудным карманом. Для Блейза буквы эти выглядели почти (но не совсем) как на палмеровских плакатах. Закон говорил, что в боулинге, как и в жизни, если человек упорно к чему-то стремится, страйки придут сами собой. Правой руке после всех этих упорных тренировок и точных бросков силы хватало, и если он сек кого-то Палкой, боль была жуткая. Все знали, что он прикусывал язык, когда наказывал мальчика Палкой за особо Плохое поведение. Иногда прикусывал так сильно, что язык начинал кровоточить, и какое-то время в Хеттон-Хаузе был мальчик, который называл его не только «Закон», но и «Дракула». А потом мальчик исчез, и больше они его не видели.

²⁸ Три последние буквы фамилии Coslaw переводятся на русский как «закон».

²⁹ Гарольд Палмер (1877–1950) – английский педагог и методист, автор многочисленных работ по теории и практике обучения.

«Вырвался» – так они говорили про тех, кого взяли в семью и оставили, может, даже усыновили.

Мартина Кослоу боялись и ненавидели все воспитанники Хеттон-Хауза, но больше всех боялся и ненавидел его Блейз. С арифметикой у Блейза очень, очень не ладилось. Он еще мог прибавить два яблока к трем, но с большим трудом, а сложение четвертинки яблока с половинкой уже находилось за пределами его понимания. Насколько он знал, яблоко делилось лишь на куски, которые влезали в рот.

Именно на арифметике Блейз впервые смошенничал – с помощью своего друга Джона Челцмана, тощего, уродливого, нервного, переполненного ненавистью мальчишки. Ненависть эта редко давала о себе знать. По большей части она удачно скрывалась за толстыми линзами перевязанных лейкопластырем очков и частым визгливо-идиотским смехом. Джон был естественной жертвой для более старших, сильных парней. И били его регулярно. Мазали лицо грязью (весной и осенью) и умывали снегом (зимой). Рубашки ему часто рвали. И он постоянно появлялся из душевой с задом, отхлестанным мокрыми полотенцами. Но всегда вытирал снег или грязь, заправлял подол разорванной рубашки и продолжал визгливо смеяться, потирая покрасневшиеся ягодицы, и ненависть не проявляла себя. Как и его ум. Учился он хорошо (очень хорошо, ничего не мог с собой поделывать), но в Хеттон-Хаузе отметки выше «В» ученики получали редко. Не приветствовались такие отметки. Отметка «А» говорила о том, что ты считаешь себя умником, а умников ждала трепка.

Блейз тогда начал прибавлять и в росте, и в ширине плеч. В одиннадцать-двенадцать лет он ничем не выделялся среди остальных, а тут начал расти. Стал таким же большим, как и многие из ребят постарше. Но он никого не обижал на игровой площадке и не хлестал полотенцем в душевой. Как-то раз Джон Челцман подошел к нему, когда Блейз стоял у забора в дальнем конце игровой площадки, ничего не делая, лишь наблюдая, как вороны садятся на ветки деревьев и взлетают с них. Он предложил Блейзу сделку.

– В этом полугодии Закон опять будет учить тебя математике, – напомнил он. – Дробь продолжается.

– Я ненавижу дроби, – ответил Блейз.

– Я буду делать за тебя домашнюю работу, если ты больше не подпустишь ко мне этих гадов. Конечно, буду делать ее так, чтобы он ничего не заподозрил, ни на чем тебя не поймал, но достаточно хорошо, чтобы ты получил проходной балл. Чтобы потом тебе не пришлось отстаивать.

Джон говорил еще об одном наказании, не таком плохом, как порка, но тоже малоприятном. Наказанного ставили в угол кабинета номер 7 лицом к стене. И он не мог взглянуть на часы.

Блейз обдумал предложение Челцмана, покачал головой.

– Он узнает. Меня вызовут на уроке, и он узнает.

– Ты будешь оглядывать комнату, словно думаешь, – ответил Джон. – А я о тебе позабочусь.

И Джон позаботился. Он решал все домашние задания, а Блейз переносил решения в свою тетрадь, пытаясь копировать те самые цифры на плакатах метода Палмера, которые висели над классной доской. Иногда Закон поднимал его с места и задавал вопрос, и тогда Блейз вставал и оглядывался, смотрел куда угодно, только не на Мартину Кослоу, и это удивления не вызывало: так поступали практически все, кого вызывал Закон. Оглядываясь, он смотрел в том числе и на Джона Челцмана, который сидел рядом со шкафом, где хранились книги, положив руки на парту. Если число, которое хотел услышать Закон, не превышало десяти, количество вытянутых пальцев давало ответ. Если это была дробь, поначалу руки Челцмана сжимались в кулаки. Потом они разжимались. Левая рука давала числитель. Правая – знаменатель. Если знаменатель превышал пять, пальцы Джона вновь сжимались, а потом показы-

вали нужное число уже на обеих руках. Блейз без труда ориентировался во всех этих сигналах, многие из которых сложностью превосходили сами дроби.

– Ну что, Клайтон? – спрашивал Закон. – Мы ждем.

– Одна шестая, – отвечал Блейз.

И он не всегда давал правильный ответ. Когда рассказал об этом Джорджу, тот одобрительно кивнул.

– Прекрасно организованная афера. Когда она лопнула?

Лопнула она через три с половиной недели, и Блейз, когда подумал об этом (думать он мог, просто на это требовалось время и много-много усилий), осознал, что Закон, возможно, с самого начала с подозрением воспринял его неожиданно проклюнувшиеся математические таланты. Просто не подал виду. Травил веревку, которая требовалась Блейзу, чтобы повеситься.

А потом Закон неожиданно устроил контрольную. И Блейз получил ноль. Потому что все примеры были на дроби. Контрольная проводилась с одной-единственной целью: поймать Клайтона Блейсделла-младшего. Под нолем Закон сделал запись ярко-красными буквами. Блейз не смог разобрать написанного и обратился к Джону.

Джон запись прочитал. Помолчал. Потом посмотрел на Блейза.

– Здесь написано: «Джона Челцмана снова начнут бить».

– Что? Как?

– Тут сказано: «Явиться в мой кабинет к четырем часам».

– Почему?

– Потому что мы забыли про контрольные, – ответил Джон. И тут же добавил: – Нет, ты не забывал. Я забыл. Потому что думал только об одном: что эти гады перестали меня бить. Теперь ты меня побьешь, Закон выпорет, а уж потом за меня возьмутся все эти гады. Господи Иисусе, как же я хочу умереть! – И казалось, он действительно этого желал.

– Я не собираюсь тебя бить.

– Нет? – По взгляду чувствовалось, что Джону хочется в это поверить, но он не может себя заставить.

– Ты же не мог решить за меня контрольную, правда?

На двери кабинета Мартина Кослоу, комнаты довольно приличных размеров, висела табличка «ДИРЕКТОР». Внутри, чуть в стороне от окна, стояла небольшая доска, припудренная мелом и исписанная примерами на дроби (причиной прокола Блейза). Окно выходило на жалкий приютский двор. Когда Блейз вошел, Кослоу сидел за столом и хмурился не пойми на что. С приходом Блейза появилась возможность хмуриться на что-то конкретное.

– Постучись, – бросил директор.

– Что?

– Выйди за дверь и постучись, – приказал Закон.

– Ой. – Блейз развернулся, вышел, постучал, вошел.

– Спасибо тебе.

– Не за что.

Теперь Кослоу хмурился, глядя на Блейза. Взял карандаш. Принялся постукивать по столу. Красный карандаш для проверки контрольных и выставления отметок.

– Клайтон Блейсделл-младший. – Закон выдержал паузу. – Такое длинное имя для столь короткого ума.

– Другие парни называют меня...

– Мне без разницы, как называют тебя другие, меня не интересует ни твое прозвище, ни те идиоты, которые его используют. Я – учитель арифметики, моя задача – подготовить таких подростков, как ты, к средней школе (если такое возможно), а также научить их понимать, что

такое хорошо и что такое плохо. Если бы моя ответственность ограничивалась только арифметикой (и иногда мне хочется, чтобы так оно и было, мне часто этого хочется) – тогда другое дело, но я ведь еще и директор, то есть обязан доносить до учеников разницу между хорошим и плохим, *quod erat demonstrandum*. Вам известно, что означает *quod erat demonstrandum*, мистер Блейсделл?

– Нет, – ответил Блейз. Сердце у него провалилось в пятки, и он чувствовал, как влага подступает к глазам. Для своего возраста он был парнем крупным, но сейчас ощущал себя таким маленьким. Маленьким и продолжающим уменьшаться. И пусть он знал, что именно этого и добивался Закон, ощущения его не менялись.

– Нет, и никогда не будет известно, потому что, даже если ты пойдешь во второй класс средней школы, в чем я очень сомневаюсь, шансов усвоить геометрию у тебя не больше, чем у фонтанчика с водой в конце коридора. – Закон сцепил пальцы в замок и откинулся на спинку стула, который качнулся назад. Вместе со стулом качнулась и висевшая на спинке рубашка для боулинга. – Это означает «что и требовалось доказать», мистер Блейсделл, вот я и доказал с помощью этой маленькой контрольной, что ты – обманщик. Обманщик – это человек, который не знает разницы между хорошим и плохим. QED, *quod erat demonstrandum*. Отсюда и наказание.

Блейз смотрел в пол. Услышал, как выдвинулся ящик стола. Что-то из него достали, ящик задвинулся. Блейзу не требовалось поднимать взгляд, чтобы понять, что именно держит в правой руке Закон.

– Я терпеть не могу обманщиков, но признаю твои умственные недостатки, а потому понимаю, что в этой истории замешан кто-то второй, еще хуже тебя. Именно он подкинул эту идею в твою тупую голову, а потому убедил тебя сойти с пути истинного. Ты следуешь за моей мыслью?

– Нет.

Язык Кослоу высунулся вперед, и зубы сомкнулись на его кончике. Палку он держал все так же крепко или даже сжал чуть сильнее.

– Кто решал тебе примеры?

Блейз молчал. Выдавать Джона он не собирался. Все комиксы, все телепередачи, все фильмы говорили одно и то же: «Выдавать нельзя». Особенно твоего единственного друга. И было что-то еще. Что-то, требующее озвучивания.

– Вы не должны меня пороть, – наконец сформулировал он.

– Да? – На лице Кослоу отразилось изумление. – Вы так говорите? Это почему же, мистер Блейсделл? Пролейте свет. Я заинтригован.

Блейз, может, и не понимал тех умных слов, что слетали с губ Закона, но взгляд этот знал очень хорошо. Сталкивался с такими взглядами всю жизнь.

– Вас совершенно не интересует, сможете вы научить меня чему-то или нет. Вы просто хотите, чтобы я чувствовал себя униженным, и вы готовы уничтожить любого, кто хоть немного пытается этому помешать. Это плохо. И вы не должны меня пороть, потому что вы сами поступаете плохо.

Изумление исчезло с лица Закона. Теперь его сменила безумная злоба. Он разозлился до такой степени, что на лбу запульсировала жилка.

– Кто решал тебе примеры?

Блейз молчал.

– Как ты мог правильно отвечать на уроках? Как тебе это удавалось?

Блейз молчал.

– Это был Челцман? Я думаю, тебе помогал Челцман.

Блейз молчал. Стоял, сжав кулаки, дрожа. Слезы текли из глаз, но теперь он не думал, что это слезы жалости к себе.

Кослоу размахнулся палкой и ударил Блейза по руке, повыше локтя. Звук от удара напоминал выстрел из пистолета или револьвера малого калибра. Впервые учитель ударил Блейза не по заду, хотя, когда он был поменьше, ему выкручивали ухо (а раз или два – нос).

– *Отвечай мне, безмозглый лось!*

– Пошел на хрен! – выкрикнул Блейз; то, что рвалось наружу, наконец-то обрело свободу. – Пошел на хрен! Пошел на хрен!

– Подойди сюда. – Глаза Закона, вылезшие из орбит, стали огромными. Рука, державшая Палку, побелела. – Подойди сюда, ты, мешок Божьего говна!

И Блейз подошел – потому что переполнявшая его ярость уже вырвалась наружу и потому что был еще ребенком.

* * *

Двадцать минут спустя, выйдя из кабинета Закона с прерывистым дыханием, которое со свистом вырывалось из горла, и кровоточащим носом (но с сухими глазами и не разомкнув рта), Блейз стал легендой Хеттон-Хауза.

С арифметикой он покончил. Весь октябрь и большую часть ноября вместо кабинета номер 7 он приходил в кабинет номер 19. Блейза это вполне устраивало. Спать на спине он смог только через две недели, но и тут возражений у него не было.

В конце ноября Блейза вновь вызвали в кабинет директора. Перед доской сидели мужчина и женщина средних лет. Блейзу они показались высохшими. Напомнили листья, которые поздней осенью сдувает с деревьев ветер.

Закон занимал привычное место за столом. Рубашка для боулинга нигде не просматривалась. В комнате царил холод, в распахнутое окно вливался яркий, пусть и бледноватый свет ноябрьского солнца. Закон обожал свежий воздух. Прибывшая парочка на холод, похоже, не жаловалась. Сухой мужчина был в сером костюме с подложенными плечами и в узком галстуке. Сухая женщина – в жакете из шотландки и белой блузке. По натруженным кистям (у него – мозолистым, у нее – красным, с потрескавшейся кожей) у обоих змеились вены.

– Мистер и миссис Боуи, вот мальчик, о котором я говорил. Сними шапку, юный Блейсделл.

Блейз снял бейсболку «Ред сокс».

Мистер Боуи оценивающе оглядел его.

– Большой парень. Вы говорите, ему только одиннадцать?

– В следующем месяце исполнится двенадцать. Он будет вам отличным помощником.

– У него ничего такого нет, правда? – спросила миссис Боуи высоким и пронзительным голосом. Казалось странным, что такой голос вырывается из необъятной груди, которая вздымалась под жакетом. – Ни туберкулеза, ни чего-то еще?

– Он проходил диспансеризацию, – ответил Кослоу. – Все наши мальчики регулярно ее проходят. Это требование штата.

– Может ли он колоть дрова, вот все, что меня интересует. – Лицо у мистера Боуи было худым и изможденным, как у неудачливого телепроповедника.

– Я уверен, что сможет, – ответил Кослоу. – Я уверен, что тяжелая работа – это для него. Я говорю про тяжелую *физическую* работу. А вот арифметика – не по его части.

Миссис Боуи улыбнулась. Одними губами.

– Числами занимаюсь я. – Она повернулась к мужу. – Губерт?

Боуи задумался, потом кивнул.

– Да.

– Пожалуйста, выйди из кабинета, юный Блейсделл, – предложил Закон. – Я поговорю с тобой позже.

Вот так, не дав вымолвить ни слова, Блейза отправили на попечение семьи Боуи.

– Я не хочу, чтобы ты уходил. – Джон сидел на койке рядом с Блейзом, наблюдая, как тот укладывает в сумку на молнии свои скромные пожитки. Большую их часть, в том числе и сумку, он получил от Хеттон-Хауза.

– Я сожалею. – Но Блейз не сожалел, точнее, по большому счету сожалел не об этом: ему лишь хотелось, чтобы Джонни мог поехать с ним.

– Они начнут бить меня, едва ты уедешь. Все. – Его взгляд бегал взад-вперед, и он ковырял свежий прыщ на носу.

– Нет, не начнут.

– Начнут, и ты это знаешь.

Блейз знал. Он также знал, что с этим ничего не поделаешь.

– Я должен ехать. Я – несовершеннолетний. – Он улыбнулся Джону. – Несовершеннолетний, сорокадевятилетний, чертовски сожалею, Клементина³⁰.

Блейз определенно пытался пошутить, но Джон даже не улыбнулся. Наклонился к Блейзу, крепко сжал его руку, словно хотел навсегда запомнить, какая она на ощупь.

– Ты никогда не вернешься.

Но Блейз вернулся.

Боуи приехали за ним на старом «форде» – пикапе, который несколькими годами раньше непонятно зачем выкрасили в маркий белый цвет. В кабине хватало места на троих, но Блейза отправили в кузов. Он не возражал. С нарастающей радостью наблюдал, как Хеттон-Хауз сначала уменьшался в размерах, а потом и вовсе исчез.

Они жили в огромном ветхом фермерском доме в Камберленде, граничащем с одной стороны с Фалмутом, а с другой – с Ярмутом. К дому вела проселочная дорога, так что стены покрывали тысячи слоев дорожной пыли. Дом не красили с незапамятных времен, а перед ним стоял щит-указатель с надписью «КОЛЛИ БОУИ». Слева от дома находился огромный вольтер, в котором постоянно бегали, лаяли и скулили двадцать восемь колли. Некоторые линяли. Шерсть падала с них огромными клоками, обнажая нежную розовую кожу, в которую так и норовили впитаться выжившие зимой блохи. Справа от дома тянулся заросший сорняками луг. За домом высился огромный старый амбар, в котором Боуи держали коров. Площадь участка, принадлежащего Боуи, составляла сорок акров. На большей части росла трава, которую косили на сено, семь акров занимал лес.

Когда они прибыли, Блейз выпрыгнул из кузова с сумкой в руке. Боуи взял ее.

– Я отнесу это в дом. А ты хочешь поколоть дрова.

Блейз в недоумении уставился на него.

Боуи указал на амбар. Несколько сараев, построенных зигзагом, соединяли его с домом. Груда чурбанов, ждущих, когда их расколют, лежала у стены одного из сараев. Некоторые напилили из клена, другие из сосны, так что на коре кое-где виднелись потеки застывшей смолы. Перед грудой стояла старая колода с воткнутым в нее топором.

– Ты хочешь поколоть дрова, – повторил Губерт Боуи.

– Ох, – вырвалось у Блейза первое слово, которое он произнес в их присутствии.

³⁰ Блейз импровизирует на тему популярной песни о бывшем старателе, который добывал золото в Калифорнии в 1849 году, и его дочери Клементине, утонувшей по неосторожности.

Боуи наблюдали, как он подошел к колоде, вытащил из нее топор. Осмотрел его. Потом положил в пыль. Собаки прыгали и лаяли. Маленькие колли верещали пронзительнее всех остальных.

– Ну? – спросил Боуи.

– Сэр, я никогда не колол дрова.

Боуи бросил сумку на молнии в пыль. Подошел, поставил на колоду кленовый чурбан. Плюнул на ладонь, потер руки, взял топор. Блейз пристально следил за каждым его движением. Боуи вскинул топор над головой, потом руки пошли вниз. От удара чурбан разлетелся на две половинки.

– Вот. Их можно класть в печь. – Он протянул топор Блейзу. – Теперь ты.

Блейз поставил топор между ног, плюнул на ладонь, потер руки. Вскинул топор над головой, вспомнил, что не поставил на колоду чурбан. Поставил, вновь вскинул топор, ударил. Чурбан развалился на две половинки, почти такие же ровные, как у Боуи. Блейз порадовался своему успеху. А в следующее мгновение уже лежал в пыли, в правом ухе звенело от крепкого удара сухой, сильной руки Боуи.

– За что? – спросил Блейз, глядя на Боуи снизу вверх.

– Не знаешь, значит, как колоть дрова, – хмыкнул Боуи. – И прежде чем ты скажешь, что твоей вины тут нет... парень, моей тоже нет. А теперь ты хочешь поколоть дрова.

* * *

Его поселили в крохотной каморке на третьем этаже ветхого дома. Места хватало только для кровати и комода. Стекла в единственном окне покрывал такой слой пыли, что за ними все искажалось. Ночью в комнате было холодно, по утрам – еще холоднее. Холод у Блейза недовольства не вызывал, не то что чета Боуи. Они как раз вызывали все большее недовольство, которое переросло в антипатию, а потом и вовсе в ненависть. Накапливалась она медленно. У Блейза по-другому и не бывало. Росла сама по себе, а когда выросла, пышно распустилась красными цветами. Это была та ненависть, которую человеку интеллигентному знать не дано. Чистая ненависть, не замутненная рефлексией.

В те осень и зиму он переколол много дров. Боуи пытался научить его доить коров, но у Блейза не получалось. Как говорил Боуи, у Блейза были грубые руки. Коровы нервничали, как бы нежно он ни пытался брать за соски. Их нервозность приводила к тому, что перекрывались молочные протоки. Поток превращался в ручеек, а потом полностью иссякал. За это Боуи никогда не надирал ему уши и не бил по затылку. Он не желал приобретать доильные агрегаты, не верил в доильные агрегаты, говорил, что они годятся только для коров в расцвете сил, но признавал, что ручная дойка – это талант. А потому нельзя наказывать человека за то, что таланта этого у него нет. Не будешь же наказывать того, кто не умеет писать, как он говорил, стиши.

– Зато ты умеешь колоть дрова, – добавлял он без тени улыбки. – К этому у тебя большие способности.

Блейз колол чурбаны и носил поленья, заполняя дровяной ящик на кухне четыре, а то и пять раз в день. Дом можно было обогревать и печным топливом, но Губерт Боуи пользовался им только в феврале. Потому что стоило оно дорого. Блейз также расчищал подъездную дорожку длиной в девяносто футов после каждого снегопада, скидывал с сеновала сено, чистил коровник и мыл полы в доме.

По будням он вставал в пять утра, чтобы покормить коров (в четыре, если шел снег) и позавтракать до того, как подъедет желтый автобус, который отвозил его в школу. Боуи, если б могли, конечно же, не отпускали бы его учиться, но такой возможности у них не было.

В Хеттон-Хаузе Блейз слышал разные истории о школах – как хорошие, так и плохие. Большинство плохих рассказывали ребята постарше, которые ходили в среднюю школу Фрипорта. Блейз был еще слишком юн для этой школы. Живя у Боуи, он ходил в школу Первого района Камберленда, и ему там нравилось. Нравилась учительница. Нравилось заучивать стихотворения, вставать во время урока и декламировать: «Аркой выгнулся мост...»³¹ Он декламировал эти стихотворения, стоя в красно-черной клетчатой куртке (он ее не снимал после того, как однажды где-то оставил, когда они отрабатывали эвакуацию из школы в случае пожара), зеленых фланелевых штанах и зеленых резиновых сапогах, вытянувшись во все свои пять футов и одиннадцать дюймов (рядом с ним другие шестиклассники казались карликами), с сияющим лицом и вмятиной во лбу. Никто не смеялся над Блейзом, когда он читал выученные наизусть стихи.

У него появилось много друзей – хотя все знали, что он из сиротского приюта, – потому что он ни над кем не издевался, никого не задира. И никогда не дулся. На игровой площадке Блейз был всеобщим любимцем. Иной раз таскал на своих плечах сразу троих первоклассников. Он никогда не пользовался преимуществом в росте и силе. Случалось, в игре его пытались повалить одновременно пять, шесть, семь игроков, он качался из стороны в сторону, обычно улыбаясь, поднимая к небу изувеченное лицо, и в конце концов падал, как дом, под радостные крики остальных. Миссис Васлевски, католичка, однажды во время своего дежурства на игровой площадке увидела, как он таскает на себе первоклассников, и начала называть его святым Франциском малышней.

Миссис Чини поощряла его интерес к чтению, письму, истории. Она сразу поняла, что для Блейза математика (он называл ее арифметикой) – темный лес. Однажды попыталась учить его, но он сразу побледнел и, как ей показалось, чуть не грохнулся в обморок.

Он соображал медленно, но не был умственно отсталым. К декабрю продвинулся от приключений Дика и Джейн, которые читали первоклашки, к «Дорогам ко всему», историй для третьего класса. Она дала ему классические комиксы, которые держала в картонных папках, и разрешила взять их домой, указав в записке, что чтение этих комиксов – его домашнее задание. Любимым стал, конечно же, «Оливер Твист», которого Блейз перечитывал снова и снова, пока не заучил наизусть.

Эта новая жизнь плавно перетекла в январь и могла продолжиться до весны, если бы не помешали два события. Блейз убил собаку и влюбился.

Он ненавидел колли, но ему вменялось в обязанность кормить собак. Они были чистопородными, но плохая еда и постоянное пребывание в вольере приводили к тому, что они становились уродливыми и нервными. Большинство отличалось трусостью, и при попытке погладить их они отпрыгивали в сторону. Они могли бросаться на тебя, лаять и скалить зубы только для того, чтобы тут же отскочить и попытаться зайти с другой стороны. Иногда они нападали сзади. Могли легонько прихватить за икру или ягодицу, прежде чем отпрыгнуть. А во время кормежки поднимали жуткий гвалт. Губерт Боуи собак не касался. Ими занималась исключительно миссис Боуи. Носилась с ними, как курица с яйцом. Всегда надевала красную куртку, когда приходила к собакам, и в некоторых местах куртка эта стала желтовато-коричневой от налипшей на нее шерсти.

Боуи редко продавали взрослых животных, но по весне щенки легко уходили по двести долларов. Миссис Боуи объяснила Блейзу важность хорошей кормежки собак, приготовления, как она говорила, «хорошей смеси». Однако сама она собак никогда не кормила, а их кормушки Блейз заполнял смесью, которая покупалась на распродажах в Фалмуте, в магазине, торгующем

³¹ Первая строка «Конкордского гимна» классика американской поэзии Ральфа Уолдо Эмерсона (1803–1882).

кормами для животных. Смесь эта называлась «Собачья радость». Губерт Боуи называл ее «Дешевая жратва» или «Собачий пердеж», но только не в присутствии жены.

Собаки знали, что Блейз их не любит, боится их, и с каждым днем становились все более агрессивными. К тому времени, когда действительно похолодало, иной раз они и спереди подходили достаточно близко, чтобы куснуть его. Ночью он нередко просыпался от кошмарного сна, в котором собаки разом набрасывались на него, валили на землю и начинали жрать живьем. Проснувшись от такого сна, лежал в кровати, выдыхая белый пар в темный воздух и ощупывая себя, чтобы убедиться, что он цел и невредим. Он знал, что все на месте, знал разницу между сном и реальностью, но в темноте разница эта заметно уменьшалась.

Несколько раз злобный лай и попытки укусить приводили к тому, что он рассыпал еду. И ему приходилось собирать ее с утрамбованного снега, а собаки рычали и бесновались вокруг.

Со временем один пес стал лидером в их необъявленной войне с Блейзом. Одиннадцатилетний кобель. Звали его Рэнди. Один его глаз был затянут бельмом. Блейз боялся пса до ужаса. Зубы Рэнди казались ему огромными желтыми бивнями. По центру головы тянулась белая полоска. Рэнди всегда атаковал Блейза в лоб, с приближением наращивая скорость. Здоровый глаз сверкал, а второй оставался безразличным ко всему, мертвым. Лапы поднимали фонтанчики желто-белого снега. Кобель разгонялся так, что, казалось, ему достаточно как следует оттолкнуться, чтобы взлететь, держа курс на шею Блейза. А уж потом на него набросились бы другие собаки, распаленные этой атакой. Но в последний момент когти Рэнди вгрызались в снег, забрасывая ошметками зеленые штаны Блейза, пес убегал по широкой дуге, но лишь для того, чтобы вернуться и повторить свой маневр. С каждым днем он тормозил все ближе и ближе, так что Блейз ощущал идущий от собаки жар и даже дыхание.

И однажды, в конце января, Блейз вдруг осознал, что на этот раз Рэнди не остановится. Он не знал, чем эта атака отличалась от любой другой, но она отличалась. На этот раз Рэнди не собирался ничего имитировать. На этот раз он твердо решил прыгнуть и вцепиться Блейзу в горло. А в следующую секунду на него набросились бы все остальные собаки. Как уже случилось во сне.

Пес приближался, молча набирая скорость. На этот раз он не собирался зарываться когтями в снег. Не собирался тормозить и убегать. Задние лапы напряглись, Рэнди оттолкнулся, взлетел в воздух.

Блейз нес два стальных ведра, наполненных «Собачьей радостью». Когда он увидел, что Рэнди настроен серьезно, страх как рукой сняло. Блейз бросил ведра в тот самый момент, когда Рэнди прыгнул. На нем были толстые кожаные рукавицы. Он встретил летящего пса правым кулаком, ударил под длинную морду. Удар болью отозвался в плече. Рука мгновенно и полностью онемела. Что-то коротко и резко хрустнуло. Рэнди перевернулся в холодном воздухе на сто восемьдесят градусов и с глухим стуком приземлился на спину.

Блейз осознал, что другие собаки замолчали, лишь когда они залаяли вновь. Он поднял ведра, направился к кормушке, вывалил в них смесь. Раньше собаки всегда набрасывались на еду, сражаясь за лучшие места, прежде чем он успевал добавить в смесь воды. Сейчас же, когда один молодой колли, вывалив язык из пасти, попытался пристроиться к кормушке, Блейз замахнулся на него, и колли метнулся в сторону с такой прытью, что земля ушла у него из-под лап, и он повалился на бок. Другие собаки тут же попятились.

Блейз добавил в кормушку два ведра воды.

– Вот. Смесь намокла. Идите и ешьте.

И направился к Рэнди, тогда как собаки принялись за еду.

Блохи уже покидали остывающее тело Рэнди, чтобы умереть на заляпанном мочой снегу. Здоровый глаз стал таким же тусклым, как и слепой. Блейз опечалился, в нем заговорила жалость. Может, пес всего лишь играл. Просто пытался напугать его.

И, ничего не скажешь, преуспел в этом. За то, что произошло, Блейза могла ждать изрядная трепка.

Опустив голову, он зашагал к дому с пустыми ведрами. Миссис Боуи была на кухне. Она поставила в раковину ребристую доску, стирала на ней занавески и пела псалом своим пронзительным голосом.

– Эй, не оставляй следов на моем полу! – крикнула она, увидев Блейза. Пол был ее, но мыл-то его он. На коленях. В груди проснулась тоска.

– Рэнди мертв. Он прыгнул на меня. Я его ударил. Убил.

Ее руки вынырнули из мыльной воды, она заголосила:

– Рэнди? Рэнди! Рэнди!

Заметалась по кухне, схватила свитер с крючка у дровяной плиты, побежала к двери.

– Губерт! – крикнула миссис Боуи. – Губерт, ох, Губерт! Такой плохой мальчик! – А потом завела: – О-о-о-о-О-О-О-О-О... – как будто продолжая петь псалом.

Затем оттолкнула Блейза и выбежала из дома. Мистер Боуи появился из одной из многочисленных дверей сараев, вошел на кухню, на его тощем лице отражалось изумление. Шагнул к Блейзу, схватил за плечо, развернул к себе:

– Что случилось?

– Рэнди мертв, – ровным голосом ответил Блейз. – Он прыгнул на меня, и я его уложил.

– Подожди. – И Губерт Боуи побежал вслед за женой.

Блейз снял красно-черную куртку, сел на табуретку в углу. Снег на сапогах таял, образуя лужицу. Его это не волновало. Жар от дровяной плиты опалял лицо. Дрова колот он. Его это не волновало.

Боуи пришлось вести жену, потому что она прижимала фартук к лицу. И громко рыдала. Высокий пронзительный голос напоминал стрекотание швейной машинки.

– Иди в сарай, – велел ему Боуи.

Блейз открыл дверь. Боуи пинком помог ему миновать порог. Блейз упал с двух ступенек, которые вели во двор, поднялся, пошел к сараю. Там хранился инструмент: топоры, молотки, серп, рубанки, наждачный круг, токарный станок и многие другие, названия которых он не знал. Автомобильные детали, коробки со старыми журналами. Лопата для уборки снега с широким алюминиевым совком. Его лопата. Блейз посмотрел на нее, и почему-то от одного ее вида его ненависть к Боуи достигла пика. Они получали сто шестьдесят долларов в месяц за то, что держали его в своем доме, и он выполнял за них всю тяжелую и грязную работу. Кормили его плохо. В Хеттон-Хаузе он ел куда лучше. Это было несправедливо.

Губерт Боуи открыл дверь сарая, вошел.

– Сейчас я тебя выпорю.

– Этот пес прыгнул на меня. Хотел вцепиться мне в горло.

– Больше ничего не говори. Тебе будет только хуже.

Каждую весну Боуи спаривал одну из своих коров с быком Франклина Марстеллара, Фредди. На стене сарая висел повод, который назывался «поводом любви», и кнут. Боуи снял кнут, крепко сжал ручку. Кожаные концы свешивались вниз.

– Наклонись над верстаком.

– Рэнди хотел вцепиться мне в горло. Говорю вам, или он, или я.

– Наклонись над верстаком.

Блейз замялся, но не потому, что задумался. Думал он слишком медленно. Вместо этого сверялся с интуицией.

Время еще не пришло.

Он наклонился над верстаком. Боуи порол его долго, бил со всей силы, но Блейз не заплакал. Слезам он дал волю позже, в своей комнате.

Девочка, в которую он влюбился, училась в седьмом классе школы Первого района Камберленда, и звали ее Марджори Турлау. Блондинка с голубыми глазами и плоской грудью. Когда она улыбалась, уголки ее глаз поднимались вверх. На игровой площадке Блейз всегда следил за ней взглядом. Когда он видел ее, у него в животе словно образовывалась пустота, но это было приятное чувство. Он представлял себе, как носит ее учебники и защищает от бандитов. От таких мыслей кровь всегда бросалась ему в лицо.

Вскоре после инцидента с Рэнди и поркой в школу приехала медсестра, чтобы сделать прививки. Неделей раньше все школьники получили разрешительные бланки. От родителей требовалось расписаться на них, если они хотели, чтобы детям сделали прививки. И теперь дети, родители которых дали добро, выстроились в очередь у двери раздевалки. Среди них был и Блейз. Боуи позвонил Джорджу Гендерсону, члену попечительского совета школы, и спросил, платные ли прививки. Выяснил, что бесплатные, и подписал бланк.

Марджи Турлау тоже стояла в очереди. Очень бледная. Блейз ее жалел. Ему хотелось встать рядом и держать за руку. От этой мысли его лицо стало пунцовым. Он наклонил голову, переминаясь с ноги на ногу.

Блейз стоял первым. Когда медсестра пригласила его в раздевалку, он снял красно-черную клетчатую куртку и расстегнул пуговицу на одном рукаве. Медсестра достала шприц из какого-то аппарата, напоминающего печь; заглянула в медицинскую карту.

– Лучше расстегни и второй рукав, большой мальчик. Тебе нужно сделать обе прививки.

– Будет больно? – спросил Блейз, расстегивая пуговицу второго рукава.

– Только секунду.

– Хорошо, – кивнул Блейз и позволил ей вогнать иглу из печи в левую руку.

– Ну, вот. Давай вторую руку, и можешь идти.

Блейз повернулся к медсестре вторым боком. Уже другой иглой она что-то ввела ему в правую руку. Он вышел из раздевалки, вернулся за свою парту и начал разбираться с рассказом в учебнике.

Когда из раздевалки появилась Марджи, глаза ее блестели от слез, еще больше их было на щеках, но она не рыдала. Блейз ею гордился. Когда она проходила мимо его парты, направляясь к двери (семиклассники занимались в другой комнате), он ей улыбнулся. А она – ему. Блейз сложил эту улыбку, спрятал и хранил много лет.

Во время дневного перерыва, когда Блейз выходил из двери на игровую площадку, мимо, рыдая, пробежала Марджи. Он повернулся, чтобы посмотреть ей вслед, потом медленным шагом двинулся на площадку, сдвинув брови, с печалью на лице. Подошел к Питеру Лавои, который с бейсбольной перчаткой на руке бросал и ловил привязанный к стойке мяч, и спросил, не знает ли Питер, что случилось с Марджи.

– Глен ударил ее в прививку, – ответил Питер Лавои и наглядно показал на проходящем мальчике, что произошло, сжав пальцы в кулак и трижды ударив того в руку: *бух-бух-бух*. Блейз, хмурясь, наблюдал за этим действием. Медсестра солгала. После прививок у него сильно болели обе руки. Казалось, мышцы в синяках да еще сведены судорогой. Даже сгибая руки, он морщился от боли. А Марджи была девочкой. Он огляделся в поисках Глена.

Глен Харди, здоровенный парень, учился в восьмом классе. Такие сначала играют в футбол, а потом становятся толстяками. Рыжие волосы он зачесывал назад, и они волнами уходили ото лба. Жил он на ферме у западной административной границы Камберленда, и его руки бугрились мышцами.

Кто-то бросил Блейзу мяч. Он выронил его и двинулся к Глену Харди.

– О! – воскликнул Питер. – Блейз хочет разобраться с Гленом!

Эта новость распространилась быстро. Мальчишки, группами и поодиночке, начали смещаться в ту часть площадки, где Глен и еще несколько парней постарше играли в некое подобие кикбола³². Глен подавал. Бросал мяч резко и сильно, с отскоком от промерзшей земли.

Миссис Фостер, которая в этот день дежурила на игровой площадке, находилась с другой стороны здания. Следила за малышами на качелях. То есть не могла вмешаться в происходящее – во всяком случае, на начальном этапе.

Глен поднял голову и увидел приближающегося Блейза. Отбросил мяч, упер руки в бока. Обе команды выстроились полукругом у него за спиной. Все семи- и восьмиклассники. Ни один не мог габаритами сравниться с Блейзом. Только Глен был больше.

Ученики четвертых, пятых и шестых классов группировались за спиной Блейза. Мельтешили, поправляли ремни, натягивали рукавицы, что-то шептали друг другу. С обеих сторон мальчишки усиленно делали вид, что ничего особенного не происходит. И действительно, вызова на драку еще не было.

– Чего тебе нужно, тупоголовый? – спросил Глен Харди. Его голос звучал бесстрастно. Голос молодого бога с легкой простудой.

– Зачем ты ударил Марджи Турлау в прививку? – спросил Блейз.

– Захотелось.

– Хорошо. – И Блейз двинулся на него.

Глен дважды ударил его в лицо (*van, van*), прежде чем Блейз успел сблизиться с ним, и из носа Блейза потекла кровь. Глен отступил, стремясь сохранить дистанцию. Школьники подняли крик.

Глен ухмылялся.

– Приютский ублюдок, – поцедил он. – Безмозглый приютский ублюдок. – Он ударил Блейза в продавленный вмятиной лоб, и улыбка тут же сменилась гримасой боли. Лоб у Блейза, несмотря на вмятину, был очень твердым.

На мгновение он забыл отступить на шаг, и Блейз нанес ответный удар. Не пошел вперед всем телом, двинул только руку, как поршень. Костяшки пальцев вошли в контакт со ртом. Глен вскрикнул, его собственные зубы порвали внутреннюю сторону губ, потекла кровь. Крики школьников усилились.

Глен почувствовал вкус собственной крови и забыл о том, что нужно держать дистанцию. Забыл о желании высмеять этого уродливого парня с вмятиной во лбу. Просто попер на него, нанося удары обеими руками.

Блейз встретил его, не сдвинувшись с места. Он слышал доносящиеся откуда-то издалека крики и восклицания других школьников. Они напоминали ему лай колли в вольере в тот день, когда он понял, что Рэнди собирается идти до конца.

Глен как минимум трижды хорошо приложился к голове Блейза. У того перехватило дыхание, воздух он вдохнул с кровью. В ушах зазвенело. Вновь ударил сам и почувствовал, как боль пронзила руку до самого плеча. И сразу же кровь изо рта Глена выплеснулась на щеки и подбородок. Глен выплюнул выбитый зуб. Блейз ударил снова, в то же место. Глен завопил. Как маленький ребенок, которому дверью защемило пальцы. Перестал махать руками. Его рот являл собой горестное зрелище. К ним уже бежала миссис Фостер. Юбка развевалась, она спешила как могла и дула в маленький серебряный свисток.

Правая рука Блейза очень сильно болела там, куда сестра сделала прививку, и кулак болел, и голова, но он ударил опять, со всей силы, онемевшей, потерявшей всякую чувствительность рукой. Той самой рукой, что остановила Рэнди, и бил он так же крепко, как и в тот день в вольере. Удар пришелся Глену точно в подбородок. Послышался отчетливый хруст,

³² Кикбол – вариант бейсбола, при котором разрешены удары ногами по мячу.

заставивший всех школьников смолкнуть. Глен покачнулся, глаза его закатились. Потом подогнулись колени, он рухнул на снег и застыл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.